

ПЕРЕПИСКА С ВЛ. ПЯСТОМ

Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. М и н ц

1

Блок не принадлежит к числу поэтов, к которым приложимо определение «певец дружбы». Но дружба, друзья сыграли заметную роль в его жизни, а переживание и осмысление этих отношений — в блоковском миропонимании и творчестве. Детские игры с кузенами Кублицкими; юношески пылкая дружба с Н. Гуном; важнейшая для духовного становления Блока, прошедшая через многие годы его жизни история «дружбы-вражды» с Андреем Белым и С. Соловьевым; глубокая и теплая многолетняя привязанность к Евг. Иванову и А. В. Гиппиусу; сложные, но порой вызывающие яркое ощущение духовного родства отношения с Мережковскими, Вяч. Ивановым; нахождение «под знаком» общих духовных поисков с Г. Чулковым в конце 1900-х годов, с Вл. Пястом и В. Зоргенфреем — в 1910-х годах; «приятельства» 1910-х годов (М. И. Терещенко, Ал. Ремизов, В. Н. Княжнин) — эти, да и иные человеческие связи определили многое для Блока-художника. Не менее важно, однако, то, что весь путь Блока от символизма к разрыву с ним можно было бы описать и как постоянную смену «дружб», человеческих ориентаций, как ряд (порою — весьма драматических) разрывов и «уходов».

Мотивы дружбы отразились и в творчестве Блока: среди стихотворений, посвященных А. Белому, Евг. Иванову, Вяч. Иванову и др., немало вершинных для его поэзии. Но еще существенней другое: в 1910-х годах, в период наивысшего творческого расцвета Блока, поэт создает своеобразный «миф о дружбе», точнее — делает историю «дружб» важной составной частью своей «лирической трилогии» — грандиозного, переросшего лирику, но и глубоко лирического повествования о «путях» современной личности.

Путь лирического «я» в блоковской «трилогии вочеловечения» начинается с прекрасных дней юности, первой любви и высокого доверия к людям («Шел я к людям с открытой и детской душой») ¹. Это — время элитарной, но яркой и искренней «мистической» дружбы «избранных», которые раньше других «Высокое познали» (III, 83). Но мир (а с ним и лирический герой Блока) еще не созрел для такого человеческого единения. Первая дружба (как и Первая любовь) терпит крах. Друзья изменились и изменили; теперь они — «Предатели в жизни и дружбе, // Пустых расточители слов» («Друзьям» — III, 125); да и сам лирический герой в «аду» страшного мира «забыл любовь и дружбу потерял» (III, 15). Путь современного человека пролегает через горькие пустыни одиночества. . . Однако Блок различает и «рассветы» будущего. Через новую, но доступную уже сейчас «прекрасную форму общения, выражаемую словом товарищ» («Памяти Августа Стриндберга» — V, 468) и подразумевающую демократизм отношений, мужественную взаимопомощь, совместное выполнение сурового земного долга:

Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды

(III, 84)

через эту связь участников героического подвига человек идет к будущему. Контуры будущих общений связаны с темой грядущей «Vita nuova» и в 1910-х годах, еще едва видны поэту. Но уже в эти годы зарождается вера Блока в те прекрасные человеческие отношения, которые должны будут «синтезировать» духовное единство друзей — участников эсотерического «братства» — с массовостью, всеобщностью «товарищества». Будущие связи личностей не идилличны: они строятся как героические и «трагические» столкновения воли и определяются Блоком как «ненавистническая любовь» (VI, 25). Но только в таком диалектическом соотношении с «целым», считает поэт, будущий прекрасный и противоречиво-гармоничный «человек-артист» приобщится к другим людям, к истории и к мировому целому.

«Миф о дружбе» (по сути — поэтическая концепция отношения «я» к миру, к людям) впитал в себя весь предшествующий — во многом достаточно горький — жизненный опыт поэта ², а также объединил в сложное художественное целое все произведения, связанные с темой друзей и дружбы ³. Но вместе с тем поэтические представления эти и сами, по мере их оформления, оказывали воздействие на социальную и жизненную позицию Блока. Взаимоотношения Блока с Пястом — яркое свидетельство того, как реальные человеческие связи определяют блоковское поэтическое чувство дружбы и, в свою очередь, определяются им.

2

28 июня 1916 г. Блок пометил в Записной книжке: «Мои действительные друзья: Женья (Иванов), А. В. Гиппиус, Пяст (Пестовский), Зоргенфрей» (ЗК, 309) ⁴. В той же записи столь важные для Блока люди, как А. Белый и З. Н. Гиппиус, охарактеризованы гораздо менее определенно, как пребывающие «близ души», а Вяч. Иванов, С. Соловьев, Н. Терещенко и Ал. Ремизов (с двумя последними Блок в эти годы встречается очень часто) не упомянуты вовсе.

Мысли эти зафиксированы Блоком незадолго до его ухода в действующую армию и явно носят характер «завещания» — подведения основных жизненных итогов. Чем же был значим для Блока Вл. Пяст — второстепенный поэт-символист, прозаик и литературный критик? ⁵

Владимир Алексеевич Пяст (В. А. Пестовский, 19 июня 1886—1940) родился в семье чиновника ⁶. Отец его, Алексей Иванович Пестовский, был коллежским советником; мать, Елена Петровна Пестовская, в 1900-х годах содержала общественную «Читальню Пестовской» в Петербурге, на Литейном проспекте, в доме Мурузи ⁷. По отцу Пяст принадлежал к старинному польскому роду (его предки, по семейной легенде — выходцы из известной королевской фамилии Пястов, что и подчеркнуто его псевдонимом). В детстве Пяст отличался слабым здоровьем, оставшейся на всю жизнь повышенной нервной впечатлительностью, экзальтированностью. Его первыми литературными увлечениями были Лермонтов, позже — Л. Мей ⁸; затем многолетним кумиром юноши Пяста стал Эдгар По ⁹. В 1895 г. Пяст был отдан в XII Санкт-Петербургскую гимназию, которую окончил в 1904 г. с золотой медалью, причем «особую любознательность проявил по физике» ¹⁰. В 1904 г. Пяст поступил на математическое отделение физико-математического факультета СПб. университета.

Весной 1906 г., когда занятий в Петербургском университете не было, Пяст «просит паспорт для поступления на летний семестр в один из германских или швейцарских университетов» и, получив свидетельство 7.IV.1906 г. ¹¹, уезжает в Мюнхен и приступает к слушанию лекций. Начавшееся душевное заболевание прерывает учебу: Пяст попадает в больницу, а по выздоровлении возвращается домой. Осенью 1906 г. он перешел на романо-германское отделение Историко-филологического факультета и начал слушание лекций (хотя официально перевод был оформлен только к 1910 г.). В 1907 г. Вл. Пяст женится на Нонне Александровне Омелянович ¹², в то время — служащей в управлении Китайской Восточной дороги ¹³. 23 марта 1910 г. Пяст по прошению был уволен из университета ¹⁴ и поступил на службу.

Стихотворения Вл. Пяста печатались с середины 1900-х годов в символистских журналах и альманахах, особенно активно — в 1910-х годах ¹⁵. В 1909 г. выходит его первый стихотворный сборник ¹⁶, затем — отдельное издание поэмы ¹⁷. С конца 1900-х годов Пяст начинает выступать как литературный критик ¹⁸, теоретик символизма ¹⁹, публицист ²⁰. После Октября Пяст служит в Институте живого слова (занимаясь теорией и преподаванием декламации), выступает как поэт ²¹, детский писатель, мемуарист ²², переводчик ²³, теоретик литературы ²⁴, а также автор пособий по шахматам, шашкам и т. д. После Петрограда жил в Москве, Одессе, в Кадникове (Вологодской области), Голицыне под Москвой. Умер в 1940 г. в Москве ²⁵.

Блок познакомился с Вл. Пястом в январе 1905 г. ²⁶ Их отношения за 16 лет прорешили весьма знаменательную эволюцию, включавшую периоды и большой духовной близости, и охлаждения, и разрывов. Уже первый разговор двух поэтов-студентов (ноябрь 1905 г.) ²⁷ выявил и интерес друг к другу, и, так сказать, «исходную асимметрию» их взаимоотношений. Очевидная — для обоих — несопоставимость масштабов дарования, а также разница в возрасте (Блок был на 6 лет старше Пяста), при близости мировоззрен-

ческих и художественных позиций, сразу же определили место Блока как «старшего», а Пяста — как «младшего».

Пяст «влился» в поэзию Блока после появления первой большой печатной подборки его лирики в журнале «Новый путь» (1903, № 3); цикл Блока показался ему «наиболее совершенным из всего, что читал в стихотворной форме»²⁸; о восприятии Пястом раннего творчества Блока можно судить по тому, что самого поэта он, вполне в духе романтико-символистских штампов, представлял себе «нежным, мягким и юным, как апрельский пух на деревьях. Непременно белокурый и болезненным». Увидев Блока в доме Мережковских, Пяст, пораженный и его «лицом юного Аполлона»²⁹, и характерным соединением самостоятельности суждений Блока, «смелости, благородства» — с «мягкостью, рыцарством»³⁰, начинает относиться к нему еще восторженнее.

Блок впервые почувствовал симпатию к Пясту, по-видимому, после их долгого ноябрьского (1905 г.) разговора, когда сказал ему: «Про Вас наверно могу сказать, что Вы существуете для меня»³¹. В это время дружеские связи Блока достаточно многообразны, но и сложны, и во многом для него мучительны. К осени 1905 г. отношения Блока с лидерами русского символизма, с одной стороны, заметно расширились и углубились; с другой — отношения эти сразу же наталкиваются на почти непреодолимые препятствия. Для Блока начала века легка и органична позиция младшего, «ученика»: в беседах не только со старшими по возрасту Д. С. Мережковским, З. Гиппиус, Вяч. Ивановым, но и с ровесником своим А. Белым Блок больше слушает, чем говорит, предпочитает «учиться», а сам никогда не поучает. Но сателлитом, почтительно повторяющим мнения авторитетов, он — ни по характеру своего дара, ни по человеческим качествам — быть не мог и не хотел. Пафос личной независимости, пусть даже ценой холодности, отгороженности от «другого», был уже тогда важнейшим для Блока. Между тем, категоричные и «знающие» Мережковские внутренне хотели от пленившего их поэта именно такого безоговорочного подчинения. Максималист Белый, восторженно принимавший Блока, но во многом всегда чуждый ему, тоже занял позу учащего и даже пытался навязывать Блоку эпистолярные дискуссии по теоретическим вопросам (а позже — полуистерические «исповеди»). Он был неспособен понять то новое, что зрело в эти годы в Блоке; это новое расценивалось Белым только как отступничество, измена. И даже далекий от символистского теоретизирования Евг. Иванов, восторженно любивший Блока и нежно опекаемый поэтом, тоже был «знающим», хотя его «знание» носило иной, религиозно-интуитивный характер: «Женя» «знал Христа» и с большей любовью, без всякой внешней навязчивости, но не менее упорно, чем остальные друзья, хотел приобщить Блока к своим идеалам.

Упорное сопротивление молодого Блока мистико-схоластическому теоретизированию и христианскому пафосу имело, однако, не только психологическую природу (отчуждение от чересчур навязчивых учителей). Как известно, к концу 1905 г. Блок успевает глубоко внутренне разочароваться в утопическом мистицизме «соловьевства». Он ищет новых путей, творческих и жизненных. Психологическая сложность ситуации для Блока усугубляется, однако, тем, что для Мережковских или А. Белого он именно в годы угасания «мистических зорь» раскрывается как автор «Стихов о Прекрасной Даме» (самим Блоком пережитых в основном в дни «одиноких восторгов» 1900—1901 гг. — до сближения с Мережковскими и знакомства с Белым). Отсюда — особенно тяготившее Блока ощущение фальшивости его положения, горькие мысли о «самозванстве», «пустоте» и т. д.

Возникает, по сути дела, не раз повторявшаяся в истории культуры коллизия: быстро растущий и потому меняющийся великий художник — и недовольные его «изменой» теоретизирующие недавние единомышленники. И, что тоже психологически понятно, ситуация эта раскрывается перед поэтом прежде всего как личная — как не вполне осознанное, но устойчивое ощущение внутренней тяжести, ненужности как раз, казалось бы, наиболее важных «дружб».

И Блок в эти годы (в значительной мере — стихийно) тянется к «внетеоретическим» дружбам — без программ и доброжелательных поучений. Вместе с тем собственные духовные поиски еще не выводят его из границ символистской культуры, не ведут к обрыву личных связей. В этой ситуации и возникают у Блока первые чувства близости к Пясту — тоже символисту, но не «учителю», не «знающему» (ср. появление в первом же разговоре тем «пустоты» Блока³², «неумения говорить» «о самом важном, о самом внутреннем») ³³.

В 1905—1906 гг., в период, говоря позднейшими словами Блока, их «первого знакомства», Пяст не стал еще для Блока не только близким другом, но и наиболее значительным

из приятелей. Однако их встречи часты и определяются не только внешними обстоятельствами (общая литературная среда); отношения их постепенно «индивидуализируются», оформляясь в самостоятельный «сюжет» — уникальный для Пяста и значительный для Блока.

Блок и Пяст часто и подолгу разговаривают — эти беседы оказываются важными для обоих (ср., например, в письме Блока Пясту от 7 мая 1906 г.: «Мы хорошо поговорили с Вами в последний раз» — VIII, 154; разговор, как свидетельствует Пяст, происходил 3 апреля — Блок помнил о нем через месяц). Они посещают одни и те же символистские кружки и салоны: бывают «в доме Мурузи»³⁴ у Мережковских, на «средах» у Вяч. Иванова, встречаются с С. Городецким, Евг. Аничковым и мн. др. Общность настроений в значительной мере поддерживается ироническим у Блока и критическим у Пяста отношением к символистским теориям Мережковских и Вяч. Иванова. Это существенно отразилось на их беседах и переписке (ср. в письме Блока от 7 мая 1906 г. о Мережковских: «В деревне буду отдыхать и писать — и мало слышать о «религии и мистике», чему радуюсь», и там же о Вяч. Иванове: «Все еще <...> чувствую «жар и зной» последних «сред», на которых, по рассказам, многотысячные толпы алчущих все еще... говорили о «мистическом анархизме»» — VIII, 154). Важно для их отношений и другое. Отходя от «соловьевства», нащупывая новые творческие пути и безусловно ощущая себя и в этом смысле «старше» Пяста, Блок никогда не становился по отношению к нему в столь соблазнительную для большинства «мэтров» русского символизма позу «учителя». Об этом свидетельствовал сам Пяст: «Друзья его (Блока. — З. М.) ранней юности» считали, «что предавая свою чистоту <...> Блок не переставал претендовать на какое-то «учительство» в жизни. Нет же! <...> Блок вовсе не считал себя призванным к «учительству» и «водительству» <...>, меньше всего претендовал на то, чтобы давать пищу сердцам других. Он думал, что такая пища — отрав»³⁵. При всей спорности проскальзывающей в этом отрывке характеристики Блока 1903—1907 гг. как человека «опустошенного», слова Пяста очень точно определяют неприязнь поэта к «учительству».

Отношение Блока и Пяста к «мэтрам» русского символизма 1900-х годов частично проясняется их участием в организации и собраниях «Кружка молодых». Кружок этот — литературное объединение студентов Петербургского университета, возникшее в конце 1905 г. по инициативе С. Городецкого, Ал. Блока, Вл. Пяста и А. Кондратьева³⁶. Задумывался он как новаторский, и «молодые» в его названии должно было читаться как «новые». «Кружок», с одной стороны, пришел на смену студенческому литературному объединению, руководимому проф. Никольским³⁷ — человеком весьма консервативным и политически, и по художественным вкусам. Но новаторство кружка мыслилось и шире — как шаг в истории русского символизма: этот кружок «по его (С. Городецкого. — З. М.) мысли, уже тогдашней, должен был быть чем-то оппозиционным по отношению к старшему поколению, кругу Вячеслава Иванова»³⁸. «Молодые» хотели противостоять старшим более широкой демократической ориентацией: мыслью С. Городецкого, а впоследствии Ю. Б. Кричевского и А. И. Гидони «было вынести келейные собрания нашего *предварительного кружка* — в широкую публику <...>, демократизировать его»³⁹.

Однако единой программы у «Кружка молодых» не было. Участники его впоследствии резко разделились на «марксистов» и «декадентов»⁴⁰, но и последние не были объединены никакой четкой программой. Общность взглядов наметилась постепенно лишь у той части членов «Кружка», которые, по инициативе М. Гофмана, начали готовить монографию о символистской поэзии⁴¹. Видимо, не случайно и то, что многие другие «молодые» (А. Городецкий, П. Потемкин и др.) оказались предшественниками постсимволистского искусства 1910-х годов.

«Кружок молодых» просуществовал до 1909—1910 учебного года, но Блок был связан с ним лишь в зиму 1905—1906 гг. как член объединения, а в зиму 1906—1907 гг. (первый год по окончании им университета) — как посетитель. И хотя именно чтение Блоком «Балаганчика» Вл. Пяст считает наиболее важным событием первой зимы в жизни «Кружка»⁴², сам «Кружок молодых», видимо, вскоре разочаровал Блока: его участие в работе становится все пассивнее и в 1907 г. постепенно сходит на нет.

Хотя настороженное отношение Вл. Пяста ко многим процессам, происходившим внутри русского символизма в 1906—1907 гг., и «адогматизм» и «стихийничество» Блока периода «Нечаянной радости» в «критической» части во многом совпадали (в основном — эмоционально), их позиции все же были принципиально различными.

Вл. Пяст, испытавший в юности глубокое воздействие Вл. Соловьева и «младших символистов» (прежде всего — Блока «Стихов о Прекрасной Даме», Вяч. Иванова «Кормчих звезд» и «Прозрачности» и А. Белого как автора «симфоний» и статей начала 1900-х годов, на всю жизнь остался поэтом-мистиком. Его сборник «Ограда» (1909), включивший стихотворения 1900-х годов, — запоздалый памятник «младо-символистской» лирики. Правда, многие образы, а также лексико-интонационный и метрический строй полуэпигонской «Ограды» связаны и с несколько иными традициями: К. Д. Бальмонта, В. Брюсова, Ив. Коневского, Ф. Тютчева, а также Э. По и Ш. Бодлера. Однако основной круг поэтических идей: общая «картина мира» «Ограды», композиция и центральные «лирические персонажи» цикла — ведут прежде всего именно к «первому тому» блоковской лирики. Платонические представления о действительности как «снах» и «теньях» идеального мира сочетаются у Пяста с чувством высокой, очистительной любви к героине — земному воплощению идеала:

Она моя душа. Лучистые мечтанья,
Которые во мне, слепом, искажены, —
В ней, просветленные, меняют очертанья
.....
Я с нею в общем сне. Те призраки и грезы,
Которые во мне проносятся, спеша, —
В ней вызвали восторг и трепетные слезы,
Я — тень ее любви. Она — моя душа ⁴³.

«Ты» в поэзии Пяста, как и в «Стихах о Прекрасной Даме», — воплощение Души Мира, существо бесконечно более высокое, чем лирический герой. Настроения эти сочетаются с привычной для «младших символистов» апологией «матери-земли» и воплощенной — земной, но духовно просветленной — страсти:

Любовно сон земной храня,
Мы не стремились ввысь.
.....
И что же? Все же в блеске дня
Мы с неземным слились ⁴⁴.

«Земной рай» зачастую оказывается Родиной; звучат интонации славянофильской поэзии (Хомяков), Ф. Тютчева, весьма близкие и Блоку 1900-х годов:

И весь я твой, земля родная,
Тебе одной мои мечты
.....
И вижу я, восторжен, светел,
Что он — Властитель, он — Господь
Из всех земель — *тебя* приветил,
Своими знаками отметил,
Тобой свою соделал Плоть ⁴⁵.

Но земная любовь сталкивается с демонически злой реальностью:

Я так тебя любил, что даже ангел строгий,
Над скорбною землею поникнувший челом,
Благословил меня опущенным крылом
Пройти по сумраку сияющей дорогой.
.....
Но — я не знаю кто — в меня пустил стрелой,
Отравленной людским кощунственным проклятьем,
Но — я не знаю кто — сдал меня объятьем,
Приблизивши ко мне свой лик истомно-злой.

Но — я не знаю чей — запал мне в душу сев
Желанья жгучего порока и паденья.
Но — я не знаю чье — открылось мне виденье,
Слепительным огнем обманчиво зардев ⁴⁶.

Возникают по звучанию близкие то Блоку «Нечаянной радости», то Брюсову, то Сологубу, то урбанизму европейских символистов картины города — «дьявольского» места обмана, страданий и гибели, современного «inferno». Городу соответствуют мотивы «падения», порока, противопоставленные теме «земного рая» на лоне природы.

Тесно связана со «Стихами о Прекрасной Даме» и композиция «Ограды». Одна из важных идей Пяста как критика и теоретика символизма — представление о символистском сборнике (цикле) как о едином, законченном художественном тексте⁴⁷. Так воспринимает Пяст «Стихи о Прекрасной Даме» — так строит он и свою «Ограду», подчеркивая в образах сборника их подобие лирическим «персонажам», а в композиции — подобие «лирического сюжета».

Здесь, однако, и становится явным то, что отделяло Пяста 1900-х годов от Блока — даже раннего. «Художественная фабула» «Стихов о Прекрасной Даме» (последовательность сменяющих друг друга настроений и мотивов) линейна. Она рисует путь лирического «я» от первых «чаяний» очистительной любви — через боязнь «изменения облика» возлюбленной и победы злого земного начала над высоким мистическим — ко все усиливающимся нотам разочарования в идеале Прекрасной Дамы. Трагической мыслью об «ущербе», крушении «чаяний» (хотя и смягченной надеждами на будущее возрождение веры) и завершается первый сборник Блока, в значительной мере предсказывающий дальнейшую эволюцию поэта. «Ограда» строится иначе — по кольцевой композиции: светлый мир любви, нарисованный в первых стихотворениях сборника, хотя и отодвигается на время мотивами города, «демонизма», однако, в конце цикла восстанавливается. Вновь торжествует высокая любовь («Мы замерли в торжественном обете. . .») — все повторяется, возвращается («Вновь вдыхаю запах сладкий. . .»), «До сих пор»). Такая кольцевая композиция отображает не только основную поэтическую мысль сборника, но и становится символом общей позиции Пяста. Дисгармония мира для него — лишь внешнее искажение его прекрасной и *внутренне* недвижной сущности. И для искусства зло, дисгармония — темы преходящие. В подлинно символистском произведении торжествуют высокий идеал, гармония. Поэтому ту роль, какую для Блока играют движение вперед, «уходы», «разрывы», — для Пяста играет возврат. Пяст середины 1900-х годов стоит на позициях мистического эстетизма, утопической веры в то, что гармония, красота «мир спасут». Именно за отход в мир «хаоса», «стихийничества» (Вяч. Иванов) или за абстрактное теоретизирование (Мережковский, З. Гиппиус) Пяст и критикует «корифеев» русского символизма. Он — адепт «классических» форм «соловьевства»⁴⁸.

Наиболее полно эти взгляды отразились в известной «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» (СПб., 1909), статьи для которой Пяст писал как раз в годы «первого знакомства» с Блоком — в конце 1906-го—1907-м г. Обычно к «Книге» обращаются как к собранию сведений о жизни и творчестве писателей-символистов. Между тем это — цельный (хотя и созданный группой авторов)⁴⁹ документ, почти манифест, содержащий единую концепцию символизма, наиболее полно изложенную в программной статье М. Гофмана «Романтизм, модернизм, символизм». Определяя романтизм как культуру переходных, находящихся в становлении эпох, а современную культуру — как типично романтическую, М. Гофман выделяет внутри последней «декадентство», сосредоточенное на разрушении старых ценностей, и символизм, призванный созидать новые, будущие. Признавая глубинное родство декадентства и символизма (все современные художники «являются символистами, с одной стороны, и декадентами, с другой»)⁵⁰, Гофман, тем не менее, постоянно противопоставляет их, настоятельно подчеркивая большую историческую и эстетическую ценность символизма: «Символизм является всегда творческим, богатым, религиозным, между тем как бессилие и безрелигиозность составляют отличительные свойства декадентства»⁵¹. Утверждая, что единственный выход для современного искусства — путь к символизму⁵², авторы «Книги» последовательно борются против скепсиса — за мистическую «идейность», против «стихийничества» — за искусство, гармонизирующее мир.

Эта установка постоянно ощущается и в статьях Вл. Пяста о В. Брюсове, А. Белом, Вяч. Иванове. Высшее достоинство произведения искусства для Пяста — гармоничность, «завершенность» (о Брюсове)⁵³. Восторженная оценка лирики Вяч. Иванова⁵⁴ не случайно соседствует, с одной стороны, с восприятием его как «поэта апокалиптического типа»⁵⁵, у которого «строй всегда одерживает победу над хаосом»⁵⁶, а, с другой, — с полным неприятием его «мистического анархизма». Понятно и сочетание высокой оценки

«симфоний» Белого за «строгость правил гармонии»⁵⁷ с ироническим отношением к изображению им «ужасов» и «ужасиков» бытия — по сути, к социально-политической теме его творчества, к «Пеплу».

Итак, в годы, когда Блок шел сложными, мучительными путями от «высокой мистики» соловьевства — через «декадентский» «мистицизм в повседневнои» — к темам действительности, истории, народа, Пяст оставался принципиально неизменным. Его идеалом по-прежнему был мир Красоты, непреступной «оградой» отделенный от «демонической» действительности. Блоковское тяготение к живой дисгармонии «стихий» было Пясту абсолютно чуждым, и «стихийничество» казалось ему (как и М. Гофману, написавшему статью о Блоке в «Книге о русских поэтах. . .») лишь отступничеством, — хотя и невольным. Вл. Пяст любил больше всего Блока «Стихов о Прекрасной Даме», надеясь и на его будущий «возврат». Подобно большинству друзей Блока, он не смог вместить в себя *весь* блоковский «путь» и подменил его *частью* — Блоком «первого тома». Такое понимание вряд ли могло стать основой глубокой дружбы, особенно для Блока 1905—1907 гг. с его стремительным движением к демократизации взглядов, к мыслям о народе и интеллигенции.

Намечается и еще одна линия важных расхождений. Обычно и сами символисты (включая Блока), и пишущие о «новом искусстве» говорили о «западнической» ориентации «декадентов» 1890-х годов и о «славянофильских» (неонароднических) тяготениях младших символистов. Реальная картина, однако, более сложна. Блок именно в 1903—1907 гг., в период кризиса мистических чаяний, во время своих (как и ему, и окружающим кажется) «декадентских» настроений впервые проникается «русской идеей», начинает искать пути к народу и Родине. Пяст же, оставаясь мистиком в духе «соловьевского» начала века и разделяя мессианские надежды на будущее России, во многом ориентируется на культуру Западной Европы. Хотя разногласия по этим вопросам станут заметнее в 1910-х годах, завязка идейного диалога относится уже ко времени «первого знакомства». В первом же письме к Блоку, написанном 17 мая 1906 г. из Мюнхена, Пяст заявляет: «Не понимаю, как это каждый русский, имеющий свободное время и хоть очень немного неистраченных денег, не ездит < . . . > за границу». Блок в ответ 7 (20 по новому стилю) мая 1906 г. пишет из Шахматова: «Радуюсь, что Вам хорошо в Мюнхене. А мне теперь не хотелось бы за границу» (VIII, 154). Это противопоставление развернется в беседах и переписке 1910-х годов.

Причины, приведшие к ослаблению приятельских связей Блока и Пяста в 1907—1909 гг., коренились также отчасти в чертах личности и стиле жизни. Блок в 1907—1908 гг. ведет, как сам пишет, «бродяжническую жизнь» (VIII, 249). Тяжелая семейная драма и отъезд Любови Дмитриевны в 1907 г. на гастроли в провинцию разрушают устои «дома». Блок не просто «все чаще < . . . > по городу» бродит, пьет в загородных ресторанах. И горечь, и «роковую отраду» такой жизни, «почему-то милой» ему, поэт расценивает как неизбежность — и отнюдь не только личную. В одиноких скитаниях вырастает важная для Блока (и поведенчески, и художественно) мысль о праве личности на гибель как на протест против мирового и исторического зла («Человек, опускающий руки и опускающийся, прав < . . . >. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир» — III, 465). И ни заботы друзей, ни страхи матери не могли «совлечь с пути» так чувствующего художника.

Пяст живет в эти годы материально трудно, психологически «наполненно несколько слишком»⁵⁸, но в своем творчестве он ориентирован на гармонию. И когда читаем у Пяста о Блоке 1907—1909 гг.: «Состояние духа Блока в ту пору было трагическое. Он нуждался в утешителе»⁵⁹, — то первоначально даже возникает вопрос: почему таким «утешителем» не стал сам Пяст, один из близких приятелей поэта?

На самом деле личные отношения Блока и Пяста строились и могли строиться только прямо противоположным образом. Даже в самые тяжелые годы жизни Блок имел право противопоставить внешнее «угрюмство» — «добру и свету» своего внутреннего «я» («О, я хочу безумно жить. . .» — III, 85). Говоря перефразирующими Ницше словами Блока, на дне его души в это время всегда жил «младенец» — здоровый, радостно удивляющийся жизни и инстинктивно отделяющий Добро от Зла. «Падения» Блока, при всей эмоциональной непосредственности, всегда были им, его внутренним «гневым ангелом» «сосчитаны» — это *уклонение от норм*, неизменно жившей в душе поэта. «Мрак», нависавший над Блоком, хотя и стимулировался многими, в том числе и глубоко личными причи-

нами, в конечном счете, оказывался социально значимой реакцией на «страшный мир».

«Гармонический» по мировоззрению Пяст — душевно больной. Болезнь его впервые сильно развилась весной 1906 г. в Мюнхене, где Пяст лежал в психиатрической лечебнице, привела его к попытке самоубийства в 1908 г.⁶⁰, затем дала резкую вспышку во время службы в Действующей армии (1915 г.). Его «мрак», безмерно более безысходный, носил не социальный, а патологический характер⁶¹. Возможно, он-то и компенсировался тяготением Пяста к гармонии искусства и отталкиванием его от «хаоса» реальности.

«Утешителем» из них двоих мог бы стать только Блок. И Пяст в своих воспоминаниях с неизменной благодарностью пишет о «нежной заботливости» Блока в периоды его, Пяста, болезни. Однако в 1907—1909 гг. Блок еще не смог встать в единственно возможную здесь позицию духовного руководителя и целителя. Его собственное отчаяние, «горестные восторги <...> книги бытия» (II, 372) еще не породили идею борьбы со «страшным миром» не только в жизни, но и в себе самом и в окружающих. Блок делает попытки помочь Пясту — и именно суровой прямоотой, призывами к мужеству, к преодолению, а не культивированию болезни⁶². Но эти попытки пока единичны. У Блока нет еще сил, «погружаясь во мрак», «верить в свет» (VI, 13). И он отходит от Пяста — от его недвижных «мистических чаяний» и от подспудно живущего в нем мрака, еще горшего, чем блоковский.

Пяст тоже, как уже говорилось, не понимает смысла «пути» Блока. В итоге наступает временное (1907—конец 1910 г.) взаимное охлаждение. Контакты Блока и Пяста в эти годы не прерываются: они изредка ходят друг к другу⁶³, встречаются у общих знакомых⁶⁴, обмениваются письмами и записками⁶⁵. Однако возникшее в конце 1905 г. чувство близости постепенно ослабевает. Сквозь все случайности личных отношений постепенно пробивается общая закономерность всех символистских «дружб» Блока, четко обозначенная им в неотправленном письме к З. Н. Гиппиус от 31 (18) мая 1918 г. (VII, 335—336). Годы создания «Вольных мыслей», «Песни Судьбы», статей о народе и интеллигенции — время наиболее глубокого духовного вживания Блока в опыт прошедшей революции — художник проводит не только в идейном, но и в личном отдалении от большинства недавно столь близких ему петербургских и московских (А. Белый, С. Соловьев) символистов. Отходит он и от неизменного приверженца символизма, Вл. Пяста.

3

«Второе знакомство», приведшее к гораздо большей внутренней близости, начинается с ноября 1910 г.⁶⁶ и длится до разрыва в 1918 г. Однако сам Пяст точнее обозначает вехи подъема и спада дружеских чувств за эти годы. Апогей их падает на 1911—начало 1912 г.; 29 мая 1911 г. Блок пишет Пясту из Шахматова: «Так образовалось за эту зиму, что я имею постоянную потребность сообщить Вам о каждом повороте «колесиков моего мозга» (VIII, 339). Пяст еще раньше (15.II.1911) говорит о том, что у него общение с Блоком «превратилось в какую-то потребность»⁶⁷. Однако летом 1912 г., возвращаясь из Териок в Петербург, Блок и Пяст ведут «разговор — уже какой-то тревожный, уже в чем-то предвещавший будущее <...> расхождение»⁶⁸. Именно начиная с этого лета между Блоком и Пястом, по безжалостно точным словам Блока, не раз «заводилась какая-то неправда» (VIII, 443), хотя, до времени, не прерывавшая дружбы.

Итак, начало, апогей и некоторый спад радости «второго знакомства» — конец 1910—1911—первая половина 1912 г. Даты эти имеют глубокий смысл. 1909—1911 гг. — особый (недостаточно четко обозначенный исследователями) период творчества Блока. Подъем 1907—начало 1909 г., сопровождавший подготовку и создание статей о народе и интеллигенции, в годы реакции (особенно — после трагически пережитой поэтом смерти только что родившегося сына Л. Д. Блок — с февраля 1909 г.) сменяется резким спадом активности, социальным пессимизмом. Постепенно эти настроения обретают контуры эстетизма («Лишь в легком челноке искусства // От скуки мира уплывешь» — III, 108), значительно более холодного, чем в 1907—1908 гг., отношения к реалистической традиции («Солнце наивного реализма затмилось», — пишет он в 1910 г. в статье «О современном состоянии русского символизма» — V, 433), надежд на возрождение символизма и веры в его всемирно-историческую культурную миссию («О современном состоянии русского символизма») ⁶⁹. В 1912 г., под совершенно очевидным и хорошо осозанным самим Бло-

ком влиянием начавшегося нового общественного подъема, этот настрой постепенно преодолевается, сменяясь «мужественным», волевым пафосом предреволюционных лет. Тут и появляется чувство «неправды» — спад ощущений полной близости к Пясту.

Зима 1910—1911 гг. — время наиболее интенсивных контактов, внешних и внутренних. В эту и в следующую зиму Блок и Пяст видятся почти ежедневно, много беседуют, бродя по городу или выезжая за город ⁷⁰, часто говорят по телефону, обмениваются (особенно летом) письмами ⁷¹, часто думают друг о друге, многое делают, а еще больше собираются предпринять сообща. В начале «второго знакомства» чувство взаимной близости во многом определялось возросшим интересом Блока 1909—1911 гг. к символизму. Если первый после перерыва визит Пяста к Блоку (ноябрь 1910 г.) дал толчок новому тяготению их друг к другу, то второй («в скорости») был посвящен обсуждению планов создания нового символистского журнала. Идея журнала была внушена Пясту «недавно только выпущенным из тюрьмы Е. В. Аничковым» — приват-доцентом Петербургского университета, германистом, любимцем студентов, «блестящим импровизатором» и шумным «энтузиастом» символизма ⁷², научным руководителем Пяста и близким знакомым Блока еще со времен его студенчества и особенно написания статьи «Поэзия заговоров и заклинаний» (октябрь, 1906). По первоначальному плану, редакторами журнала должны были стать Блок, Пяст и Евг. Аничков, издателем — Л. Д. Блок; в состав первых номеров предполагалось включить рассказы А. Ремизова, Ivan'a Strannik'a (псевдоним жены Аничкова), Евг. Аничкова, В. Н. Княжнина, Б. Бугаева (Андрея Белого), Вл. Пяста, стихи Блока, Вяч. Иванова, Белого и Ю. Верховского ⁷³.

Отношение Блока к журналу сразу же определилось как сложное, неоднозначное. С одной стороны, он считал необходимым объединить крупнейших русских писателей-символистов, резко оградив их печатный орган от эпигонства, околосимволистского эстетства и т. д. (напомним, что после прекращения в 1909 г. «Золотого руна» и «Весов» в России не было собственно символистского журнала). В письме А. Белому от 17 января 1911 г. Блок с большим подъемом пишет об этих планах: «Здесь затевается журнал <...>. Все это — проба, и притом с внешней точки зрения — очень непрактичная, потому что денег почти нет. Я лично считаю, что этот журнал будет только бескорыстным застрельщиком — наметит главные точки и расчистит место для будущего. Все мы принципиально изгоняем литературщину, «декадентство» <...>, хулиганство и т. д., и т. д.» Блок представляет журнал как «тонкий» («нумера маленькие — листа 3»), но выходящий регулярно («12 раз в год», «до лета должно выйти 6 №№ (каждые двадцать дней с 15 февраля)» — VIII, 327). Однако сразу же у Блока появляются и сомнения. Во-первых, даже теперь, в годы частичного возврата к символизму, Блок мыслит журнал как свободное объединение в чем-то близких, но *идущих каждый своим путем* художников, а не как орган, вырабатывающий четкую программу направления, создающий его теорию и т. д. В этом смысле, очевидно, сразу же выявилось отличие позиции Блока, например, от Вяч. Иванова. Во-вторых, Блок инстинктивно чуждался всего, что связано было с организационной стороной дела, — в первую очередь, со столкновением мелких журнальных интересов, борьбой авторских честолюбий. Уже в первые дни наиболее заинтересованных обсуждений Блок говорил Пясту — самому близкому к нему участнику будущего журнала: «Ни вы, ни я отнюдь не должны брать на себя <...> руководящие, направляющие роли» ⁷⁴. Между тем Блок с горечью наблюдал, как даже предварительные разговоры о еще не рожденном детище обнажают и принципиальные, и мелкие разногласия участников. Раздражает его и поверхностно-оптимистический настрой Евг. Аничкова, не чувствовавшего ни в жизни, ни в литературе того, что было в эти годы для Блока главным, — холодной мертвенности «страшного мира» и «печального лица» человека, гибнущего на снежном бездорожье эпохи. Поэтому 21 января 1911 г., после почти двухмесячных обсуждений и споров, Блок пишет Пясту о своем отказе от участия в журнальных проектах: «Все эти дни я искал «в себе» журнала — и не нашел ни следа. Прочной связи нет. Из всех сотрудников (исключая Вячеслава Ивановича который окончательно против <...>) — связаны только мы с Вами — но не журналиально (о Княжнине не знаю). Рассказы Ремизова, Зиновьевой-Аннибал, Ивана Странника могут быть везде. В Верховском мы уже возбудили несвойственные ему чувства ⁷⁵. С Аничковым нам не связаться никак» (VIII, 327—328). Далее следует — как продолжение мотивировки отказа — резко критический, про-
вический «идейный портрет» Аничкова (одного из 3-х основных редакторов проектировавшегося журнала): «Бесконечно холодно в человеческих сердцах. Когда на площади

попадают люди задумчивые и углубленные в себя, <...> с ними мороз терпим или даже — радостен. Когда же у костра появляется «некто» похихатывающий и побрякивающий, — сразу пропадает всякое сопротивление <...>. Отчего Аничков и в революции и без революции всегда одинаково выкидывает с кафедры слова, как пух из перины? Он ужасно, ужасно доволен собой» (VIII, 328). Журналу противопоставляется жизнь, погружение в «страшный мир» для постижения его сущности — и для воспитания в себе «лика» человека, чувствующего и любящего других («Давайте опять жить, тихо гуляя по беспросветной и белоснежной стуже. Каждый из нас любит уже многих людей, но все еще видно только пол-лица» — VIII, 328). И хотя проекты журнала продолжают обсуждаться ⁷⁶, — Блок утрачивает к ним интерес.

В 1912 г. — уже не по инициативе Пяста и Аничкова — возникают новые планы издания, которые приводят к появлению «Трудов и дней». Блок несколько оживляется в дни подготовки первого номера журнала (хотя теперь он значительно дальше от любых символистских программ и проектов, чем в 1909—1911 гг.). При этом, однако, Блок в письме А. Белому от 25 января 1912 г. характерно отделяет в группе будущих сотрудников журнала «свой круг» от людей, ему чуждых. В число первых попадает Вл. Пяст («я хотел бы, чтобы ты увиделся с Пястом. Через него ты коснешься моего круга»), ко вторым Блок относит Вяч. Иванова и посетителей его «среды» («Атмосфера В. Иванова сейчас для меня невыносима») — (VIII, 383—384; курсив мой. — З. М.). Блок хочет привлечь Пяста к возможно более широкому участию в журнале: «Главное, что я могу сказать Тебе сейчас неравнодушно, — это о том, что Пяст, по-моему, нужнейшее лицо в этом журнале» (VIII, 383). В дни подготовки первого номера «Трудов и дней» Блок (как и В. Иванов) оказывает даже некоторый нажим на А. Белого, чтобы включить в этот номер статью Пяста «Нечто о каноне», что вызывает у Белого недовольство ⁷⁷. Однако, несмотря на ощущение родства с Пястом, на «тактические» трения с издателем журнала Э. Метнером и духовную отдаленность от В. Иванова, Блок, как всегда, оценивая «Труды и дни» как явление культуры, полностью отрешается от личных симпатий и антипатий. И, как и все символистские акции этих лет, журнал в целом глубоко не удовлетворяет Блока. По выходе первого номера он пишет Белому 16 апреля 1912 г. о существе давно уже наметившихся разногласий с Ивановым (а, косвенно, и с самим Белым): «Первый № сразу заведен так, чтобы говорить об искусстве и школе искусства, а не о человеке и художнике» (VIII, 386; курсив мой. — З. М.). К 1912 г. у Блока вновь выходят на первый план гуманистические идеи личности — и его неприятно поражает «изящный» «жестяной грохот» статей Вяч. Иванова. Блок с гораздо большей симпатией отзывается о написанной на далекую ему тему «умной и страстной статье» весьма далекого ему лично Э. Метнера: «За ней я вижу это печальное человеческое лицо гонимого судьбой» (VIII, 387). Статья Пяста, на публикации которой Блок так настаивал, тоже расценивается им теперь невысоко: «Пяст объясняет, что внутренний канон есть... $2 \times 2 = 4$ » (VIII, 387).

В чем же причина быстрой смены оценок (неизвестно, читал ли Блок статью «Нечто о каноне», но что он был хорошо знаком с ее идеями, а отчасти даже их инспирировал, — это очевидно)? В статье Пяста многое должно было быть близким Блоку. Здесь мы находим и столь важные для него представления о том, что у всякого художника «путь должен быть» ⁷⁸, что цель искусства — не только эстетическая (полностью солидаризируясь и с Блоком, и с Вяч. Ивановым, Пяст говорит, что язык искусства «волнует нашу душу до глубины ее впадин, чем эстетическая глубина, зажигая ее огнем новым и неведомым») ⁷⁹. Столь же «блоковскими» (и прямо навеянными докладом и статьей Блока «О современном состоянии русского символизма», 1910) выглядят размышления Пяста: «Выход («синтез») для художника в том, что лежит за пределами «только Искусства», и путь к этому выходу лежит через некий творческий подвиг» ⁸⁰.

Можно не сомневаться, что все эти утверждения полностью находятся в русле мыслей Блока об искусстве не только и не столько 1909—1911 г., сколько 1912—1917 гг. Дальнейший ход мысли Пяста, однако, меняет дело. Утверждая, что «творческий подвиг — выполнение внутреннего канона» ⁸¹, Пяст по-прежнему видит «канон» в овладении «языком богов» ⁸² — в гармоническом искусстве. И хотя при этом мельком упоминается, что такая гармония дается «внутренней покорностью «законам бытия»» ⁸³, главный признак ее, по Пясту, все же чисто эстетический — подчинение произведений искусства прежде всего традиции и имманентным законам творчества: «Творческая душа должна укладываться

во внутренние рамки каждого вида творчества, который она оживляет»⁸⁴. А чтобы найти в таком «каноническом искусстве» свое место, не раствориться в традиции, надо найти «бога в себе» — «выявить свою сущность»⁸⁵, художественную индивидуальность.

Последняя мысль вообще далека от Блока 1910-х годов. Самопознание в эти годы для него было познанием себя как человека в мире людей. Ближайший источник идеи Пяста — концепции А. Белого, ставящего во главу угла художественное самопознание как высшую цель искусства⁸⁶.

Сложнее с мыслями о каноне как о требовании гармонии в искусстве. Идеи эти, широко распространенные в символистской критике, были безусловно близки Блоку «Стихов о Прекрасной Даме», где они, как и у многих «младших символистов», окрашивались в тона эстетической утопии: красота искусства должна внести гармонию в мир. Затем последовал резкий отказ от создания «гармонизирующего» искусства как от лжи, пафос «хаоса» в мире и искусстве, приведший Блока к апологии «естественной» жизни, народа, Родины. В 1909—1911 гг. Блок, как уже говорилось, вновь приходит к мыслям об искусстве как «гармонизации хаоса», хотя теперь без утопических иллюзий: искусство не преобразует действительность, а лишь противостоит ей как высшая ценность: «Хорошим художником я признаю лишь того, кто из данного хаоса (а не в нем и не на нем) (данное: психология — бесконечна, душа — безумна, воздух — черный) творит космос» (ЗК, 160; ср. известные начальные строки из «Пролога» к «Возмездию» — III, 301). Однако начиная с 1912 г. эти мысли вновь вытесняются демократическими идеями искусства как «служения», общественного долга, хотя и сильно видоизмененными по сравнению с периодом статей о народе и интеллигенции, обогащенными историзмом и диалектическим видением мира. Призывы обратиться к традиции, к «каноническим» вершинам мировой культуры, к соблюдению законов жанра и т. д. — кажутся ему теперь тривиальными («2×2=4») и недостаточными для искусства современности. По всей видимости, раздражает его и «каноническая» символистская образность Пяста («язык богов» и т. д.).

По сути дела, повторяется, хотя и в усложненном виде, ситуация 1905—1906 гг.: Пяст, неизменный в своей приверженности идее гармонизирующего искусства, и Блок, для которого эта идея была близка лишь на коротком отрезке движения от творчества 1903—1909 гг. к вершинным достижениям 1910-х годов. Вполне вероятно, что известный сдвиг в понимании задач художника произошел у Блока в промежутке между замыслом и реализацией статьи Пяста «Нечто о каноне», и уже во всяком случае — в годы, пролетевшие между написанием блоковского «О современном состоянии русского символизма» (1910) и развивающей эти же мысли работой Пяста (1912). Пересекшись в какой-то точке, пути Блока и Пяста вновь начинают расходиться: Пяст 1910-х годов, оставаясь символистом, с интересом следит за творчеством акмеистов и футуристов; Блок напряженно ищет путей к новому искусству, «синтезирующему» символизм с опытом мирового реалистического искусства.

Однако в отличие от 1905—1906 гг. Пяст для Блока теперь никак не сводится к его убеждениям, особенно — теоретическим. Блок в годы «второго знакомства» живо почувствовал Пяста как личность, полюбил его «человеческое лицо», повял (в чем-то, может быть, и преувеличивая) значимость Пяста.

Надо отметить существенную сторону отношений Блока и Пяста в 1910-х годах. Пяст, оставаясь на редкость неизменным адептом символизма во взглядах, по образу жизни, характеру дружб и т. д. заметно выходил из мира литературной элиты, хотя и был неизменным посетителем артистических кабаре 1910-х годов, участником множества альманахов этой поры и т. д. «Внесимволистские» моменты их общений и стали важнейшими для Блока. Это — и заботливый интерес к неизменно тяжелому быту Пяста (побывав в гостях у Пяста на Песках, где тот впервые поселился «самостоятельным домом», Блоки дарят Пястам керосинно-калильную печку; в 1911 г. у Пяста рождается сын Виктор, которого Блок крестит и судьбой которого не перестает интересоваться)⁸⁷, к его «чиновничьим» служебным тяготам. Это — и их бесконечные «отдохновительные» скитания по окраинам Петербурга⁸⁸ и местам неподалеку от города (Шуваловский парк, Юкки, Белоостров, Сестрорецк, Петергоф)⁸⁹, «изучения» природы, встречи с людьми. Это, наконец, тяготение Блока — через Пяста — к кругу внегуманитарных знакомств.

Последнее очень важно. Нетрудно убедиться, что таких знакомств до 1910-х годов у Блока практически не было. Далекие от литературы круги, к которым принадлежали

отчим Блока, полковник Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттх, или московский дядя Блока, чиновник А. Ф. Кублицкий-Пиоттх, были поэту не только чужды, но и ненавистны ему. Блок старательно избегал всяких соприкосновений с этими «мирами». Далеко он был в 1910-х годах и от «негуманитариев» — братьев Л. Д. Блок. Почти все и друзья, и знакомые не только Блока 1900-х годов, но и его матери, тетки (М. А. Бекетовой), жены — люди из мира искусства. Позади осталось бурное юношеское увлечение Д. И. Менделеевым. Соприкосновение А. Белого с естественными науками и математикой, столь важное для него самого, в дружбе Белого и Блока большой роли не играло.

Пяст, еще в гимназии тяготевший к точным наукам, в прошлом — студент-математик, человек очень общительный, сохранил многочисленные связи с бывшими однокашниками. В этот круг входит теперь и Блок. Пяст знакомит Блока с математиком Н. И. Идельсоном⁹⁰; через Пяста поддерживаются и старые знакомства с физиком Б. П. Гущиным⁹¹, инженером Н. П. Бычковым⁹². Филологи, свидетельствует Пяст, «вообще более были чужды нам»⁹³, «нас влекло <...> к обществу представителей так называемых точных наук и техники»⁹⁴.

«Негуманитарные» связи оказали важное влияние на оформление блоковских мыслей о промышленном развитии России. В этих кругах зарождаются идеи «Новой Америки», замысел пьесы «о фабричном возрождении России», мысли о воспитании и т. д.

К новым человеческим контактам присоединяются совместные увлечения Блока и Пяста творчеством писателей-несимволистов: Августа Стриндберга и Флобера (как автора «Сентиментального воспитания»).

Блок (VIII, 339) и Пяст единодушно свидетельствуют, что «открыл» Стриндберга Пяст, познакомивший с его творчеством Блока⁹⁵; на прозаическую поэму Стриндберга «Одинокий» Пяста натолкнула А. А. Врубель, сестра художника. Следует только уточнить, что речь идет именно о пробуждении интереса к творчеству. Хотя 1911 год действительно был первым, прошедшим у Блока «под знаком Стриндберга»⁹⁶, однако и имя художника, и, по всей вероятности, какие-то его произведения были известны Блоку и раньше⁹⁷. Блок и Пяст в 1911—1913 гг. постоянно читают Стриндберга, обмениваясь книгами и впечатлениями от них⁹⁸. Под впечатлением творчества и личности Стриндберга Блок и Пяст вынашивают планы поездки в Стокгольм в июле 1911 г. (см. письмо Вл. Пяста от 2 июня 1911 г.), не состоявшейся, по-видимому, из-за болезни Пяста и испытываемых им материальных затруднений. В своих «Воспоминаниях о Блоке» и в книге «Встречи» Пяст подробно рассказал о том, как Блок через журналиста и представителя газеты «Русское слово» в Петербурге А. В. Руманова организовал в апреле 1912 г. поездку Пяста в Стокгольм к умирающему Стриндбергу⁹⁹. Многочасовые разговоры с Пястом об этой поездке и впечатления от подаренного Пястом портрета Стриндберга (VII, 141—142), как известно, легли в основу статьи Блока «Памяти Августа Стриндберга» (май 1912 г.). 14 июля 1912 г. Мейерхольд организует в Териокском театре вечер памяти Стриндберга, и Блок уговаривает Пяста читать на нем вступительное слово¹⁰⁰.

Как видим, «сюжеты» отношений Блока к Стриндбергу и к Пясту в 1911—1912 гг. неразрывно переплетались. Это привело Блока, привыкшего в эти годы «сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных» его «зрению в данное время», и уверенного, «что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор» (III, 297) к сложному сближению впечатлений от творчества Стриндберга и от Пяста как представителя определенного культурного типа. Пяст «просматривается» сквозь призму стриндберговского творчества, а последнее, в свою очередь, истолковывается в свете проблем, поставленных перед Блоком жизнью и, в частности, выраставших из бесконечных бесед с Пястом и блоковских размышлений о ближайшем друге. Это заставляет нас обратиться к некоторым аспектам темы «Блок и Стриндберг» в отдельном сообщении, публикуемом в наст. томе (кн. 4).

Близкие ассоциации — и тоже с проекцией на русскую историю и национальный характер — вызывает литературный персонаж, не меньше, чем стриндберговские, занимавший воображение Блока и Пяста, — Фредерик из «Сентиментального воспитания» Флобера.

Пяста на роман Флобера натолкнул Блок («в обмен» на Стриндберга: Блок читает «Красную комнату» в начале февраля 1912 г., в дни, когда заболевший Пяст заканчивает «Сентиментальное воспитание», полученное от Блока). Пяст восторженно отзывался

«только что прочтенном романе в письме от 6 февраля 1911 г.¹⁰¹ По всей видимости, роман этот не раз обсуждался друзьями. Позже Пяст свидетельствовал: «Роман <...> «Сентиментальное воспитание» был едва ли не любимейшей поэтом из всех на свете книг»¹⁰². Название его становится для Блока своеобразным символом, введенным и в поэму «Возмездие» (ср. об Отце: «Он тоже получил от детства // Флобера странное наследство: // Education sentimentale» — III, 337), и особенно важным для «Предисловия» к поэме (1919). В последнем «éducation sentimentale» обозначает важную эпоху в воспитании Сына — юноши из интеллигентско-дворянской семьи, которому «до самых «дней свободы» // Мамаша в рот вливала суп» (III, 610). «Сентиментальное воспитание» — сложный комплекс, включающий и высокую гуманность, и «демонический» индивидуализм, и интеллигентскую мягкотелость, заставляющую героев этого типа, в конечном счете, подобно Фальку, «капитулировать перед «страшным миром». Поэтому для того, чтобы «созрела новая порода» людей и «уголь превратился в алмаз» (III, 303), необходима смена дворянской «éducation sentimentale» суровым крестьянским воспитанием сына Сына «в широких польских «клеверных полях» (III, 299).

Сказанное не только определяет основные для Блока проблемы, безусловно, бывшие предметом разговоров с Пястом (увлечения Стриндбергом и Флобером Блок и Пяст переживают одновременно, в годы наибольшей дружеской близости и почти ежедневных встреч). Здесь — и разгадка многих существенных сторон восприятия Пяста Блоком, причина неизбывного интереса к Пясту, его роли в блоковской жизни и духовном мире.

Блок 1910-х годов — зрелый человек, мужественно и нелестно оценивающий значимость окружающих его людей. Он в достаточной мере лишен дружеских иллюзий, чтобы понять, что Пяст — не поэт. Правда, он ощущает лирику Пяста как лично близкую: 20 августа 1909 г. (т. е. как раз в годы некоторого охлаждения) он пишет из Шахматова, получив сборник «Ограда»: «Ваша книга еще не вся ясна мне, хотя я читал ее не раз, но уже дорога мне, как знакомым, так и неизвестным» (VIII, 292). В числе «знакомых» (т. е. уже слышанного от Пяста ранее) были и некоторые стихотворения, которые Блоку «довольно понравились»¹⁰³. Однако от этого с пястовской точностью переданного «довольно понравилось» до признания Пяста поэтом было очень далеко. В 1910-х годах Блок высоко оценивает и «Поэму в тонах» (см. запись от 17 ноября 1911 г. — VII, 93), и «потрясающую повесть» (по-видимому, «Круглый год») Пяста (запись от 22 ноября 1911 г. — VII, 96) — однако, очевидно, более всего за их человеческую «подлинность и значительность» (VII, 93).

Интересны в этом смысле воспоминания В. Нарбута, посетившего Блока в 1910 г. в связи с организацией студенческого журнала «Gaudeamus»¹⁰⁴: «На мой вопрос, заданный, конечно, в расчете на положительный ответ, не привлечь ли П. Потемкина и В. Пяста <...>, Александр Александрович поморщился и отрицательно качнул белокурой головой: — Они вам не нужны. Ваш журнал должен быть свежим, молодым <...>. Владимира Алексеевича (Пяста), пожалуй, следовало бы пригласить как рецензента <...> Но их стихи, по моему мнению, не поэзия»¹⁰⁵.

Значительно выше (что явствует и из приведенных воспоминаний, и из эпизода с помещением статьи Пяста в № 1 «Трудов и дней») оценивал Блок критические статьи Пяста. Кроме известной близости проблематики (как мы уже указывали, с годами эта близость уменьшается)¹⁰⁶, Блока, безусловно, привлекает действительная талантливость пястовской литературной критики. Структура его статей, как правило, импрессионистична: они строятся на развитии какого-то художественного образа, иногда, что типично для символистской критики, взятого из поэтического арсенала анализируемых авторов (статьи в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия») или же из других произведений искусства (образы Вилье де Лиль Адама в статье «По поводу последней поэзии» или в «Нечто о каноне»). Но «образная логика» у Пяста слита с четкостью мысли, оригинальностью оценок, прекрасной ориентированностью в проблемах и методах зарождающейся в 1910-х годах «науки о стихе». Он, как и Блок, всегда исходит из еще не формулируемого четко восприятия текста как художественного единства.

Блок активно поддерживает и публицистические и социологические интересы Пяста, помогая ему войти в газетный мир 1910-х годов. Он записывает (по-видимому, принадлежавшее А. М. Ремизову) мнение о Пясте как о «публицисте с холодным эстетическим уклоном» (VII, 181). Напомним, что если «эстетизм» мог восприниматься Блоком и как

вещю чуждое, и как близкое (ср. статью «Искусство и газета»), то «холодность» в эти годы ассоциировалась с «мужеством» (ср. «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух. . .»). К публицистике Пяста Блок относится с большой серьезностью, пытаясь ее осторожно и тактично направлять в нужную, по его мнению, сторону. Здесь и разворачивается одна из центральных линий «сюжета» «Блок и Пяст».

24 мая 1911 г., в разгар их взаимной дружеской увлеченности, Блок приглашает Пяста в Шахматово: «Знаете что? Если бы Вы могли приехать сюда на несколько дней? Много места, жить удобно, тишина и благоухание» (VIII, 337; об этом приглашении Блок сообщает 27 мая в письме к жене — см. VIII, 339). Как всегда у Блока, бытовое, личное оказывается «нераздельно» связанным с важнейшими вопросами жизни: «*Вам было бы интересно и нужно, я думаю, увидеть эту Россию: за 60 верст от Москвы, как за 1000: благоуханная глушь, и в земном раю — корявые, несчастные и забытые люди с допотопными понятиями, сами себя забывшие*» (VIII, 337. Курсив мой. — З. М.).

Мысли эти, обнажающие самое сердцевину блоковского чувства России, развиваются в письмах от 23 мая («Я твердо надеюсь показать Вам Шахматово и окрестности, если не теперь, то в будущем году»¹⁰⁷. По многим причинам хочу этого» (VIII, 340) и от 6 июля 1911 г. В последнем Блок высказывается и о социологических интересах, и о сущности Пяста-человека, как он ее в те годы воспринимает: «За Вами — публицистические долги в большом количестве (и вовсе не «трамвай» или «действительные статские советники»)»¹⁰⁸. Так как Ваши воля, темперамент и интересы зовут Вас к изучению социологии и к публицистической деятельности, то Вы обязаны перед самим собою узнать русскую деревню, хотя бы отдельные места: во-первых, те, без которых нельзя узнать Россию вообще (т. е. Великобританию); во-вторых, те, среди которых жил и образовывался Ваш собственный род < . . . » Это Западная Россия» (VIII, 346). Природу общественного темперамента Пяста, его публицистические интересы Блок связывает с тем, что Пяст для него — «западный человек»: от своего рода он «получил в наследство демонизм и волю, настроенную на европейский лад» (VIII, 346. Курсив мой. — З. М.)¹⁰⁹. Далее Блок настойчиво советует младшему другу вступить на путь, на котором можно сплавить воедино «западные» и «русские» черты личности; только так в Пясте сможет вылиться «сверхевропейский» лик человека будущего: «Вы < . . . » недостаточно ярко представляете себе, что может дать познание деревни, до какой степени оно может изменить врожденный демонизм < . . . », изменить в двух направлениях: или убить его, т. е. разбить всякую волю, сделать человека русским в чеховском смысле (или Рудинском, что ли); или — удесятерить его, т. е. обострить волю, настроить ее, может быть, на «сверхевропейский лад» — VIII, 346).

Итак, Пяст для Блока — «западный человек». Эта характеристика постоянно повторяется. Так, в дневниковой записи от 10 ноября 1911 г. Блок упоминает Пяста (рядом с Э. По, З. Гиппиус и Пушкиным) в числе людей, связанных с «демократией» и культурным «американизмом» (VII, 85). Ср. чуть более раннюю запись: Пяст — «западник» (VII, 70) и др. В этой характеристике есть и сопоставление поляка Пяста с Блоком, хорошо помнившим о немецкой крови отца (ср. образ Отца — «демона» в «Возмездии»), и существенное противопоставление: себя как носителя определенного мироощущения («неославянофильства», «неонародничества»), как воплощение определенного культурного типа, Блок считал Русским, Пяста («западника») — нет¹¹⁰.

Отсюда — и некоторые особые надежды, которые Блок возлагает на Пяста, и «образ Пяста» в блоковском сознании (косвенно отразившийся и в его творчестве).

Пяст для Блока — одновременно и «стриндберговский» «сильный человек» (подчеркивается воля, индивидуалистический «демонизм», сила логики, а также общественный темперамент, интерес к политике, в целом чуждые Блоку¹¹¹), и «стриндберговский» же «демократ» (подчеркиваются «западные» скромность, трудолюбие, тяжелая борьба с окружающим «адам»). Первое вызывает уважение и неизбывный интерес к другу, второе — ту «нежную заботливость»¹¹², о которой Пяст помнил всю жизнь. Любопытно (и очень характерно для Блока!), что такое понимание Пяста влечет за собой уважение как раз к тем чертам его личности, которые порождают взгляды, столь Блоку после 1911 г. чуждые, — оставшуюся на всю жизнь верность «заветам символизма». Эта верность навсегда позволяет Блоку разглядеть скромную рыцарственность, «недвижную» принципиальность Пяста (ср. более ранний образ «неподвижного рыцаря — Запада» — V, 89)¹¹³. Столь же важны и сила энтузиазма, «серьезность» без фальши и апломба, далекость Пяста от разъ-

едающей душу иронии, столь резко критиковавшейся Блоком (ср., «Ирония» и др. статьи 1907—1908 гг.).

Именно по этим признакам Пяст в сознании Блока противопоставляется «Вячеславу Великолепному» с его «вождизмом», интересом к «школам», а не людям, готовностью «глукаво» приспосабливаться к мнениям собеседника, «женственной» уклончивостью, комнатностью. Само сопоставление Пяста с Вяч. Ивановым — одним из лидеров течения, столь важным для Блока в 1905—1907 гг. (см. VIII, 386—388), показывает, какое место занимает теперь Пяст в его духовном мире. Противопоставление особенно интересно тем, что в области взглядов, мировоззрения («западничество», верность «заветам символизма») и по личным симпатиям Пяст был близок к Вяч. Иванову.

Все эти человеческие впечатления вливались в единое русло творческого мироосмысления Блока. И хотя Блок 1910-х годов упоминает Пяста (кроме писем, дневника и записных книжек, где его имя мелькает постоянно) только в статье «Памяти Августа Стриндберга» и в «Автобиографии» (1915), отблески бесед с Пястом и мыслей о нем отчетливо видны в блоковском творчестве этих лет.

Приведем лишь два примера. Пяст, вспоминая отчима Блока, Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттуха — «скромнейшего, болсзненного человека», пишет: «Блок мне признавался, что я верно отгадал, что «Рыцаря-Несчастье» (Бертрана) из «Розы и Креста» он списал главным образом с него» ¹¹⁴.

«Признание» Блока не носит, конечно, абсолютного характера. Образы позднего Блока полигенетичны — имеют всегда несколько источников. Так, очевидна связь образа Бертрана с западноевропейской рыцарской литературой, с пушкинскими образами «Рыцаря бедного» и Франца из «Сцен из рыцарских времен» ¹¹⁵. Но главные черты образа: демократизм, скромность, преданность идеалу, мужество и неудачливость в борьбе с Роком — вводят его в тот самый круг «стриндберговских героев», сквозь призму которых Блок воспринимал и Пяста. Пяст к тому же, как и Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, «западный человек» — поляк. Образ лирического «я» как застенчивого, неловкого, «смешного» рыцаря Блок мог встретить в хорошо знакомых ему стихотворениях «Ограды»:

Залились неестественной краской
Опушенные щеки твои.

.....

Я смотрела, какой ты смешной.

У героя Пяста — «неловкая речь» ¹¹⁶, и он действительно напоминает «Рыцаря-Несчастье» ¹¹⁷. Следует подчеркнуть, что речь никоим образом не идет о влиянии образов лирики Пяста на «Розу и Крест» и лишь в известной мере — о Пясте (вернее об «образе Пяста» в сознании Блока) как об одном из прототипов Бертрана. Но общая значимость впечатлений от облика и характера Пяста (как и от блоковского отчима или от «стриндберговского героя» — демократа) для создания образа [«Рыцаря-Несчастье» очевидна.

Еще более опосредованна связь «образа Пяста» с проблематикой «Возмездия». Однако и здесь следует отметить, что важнейшие мотивы поэмы («польская тема» как тема «демонической» воли к возмездию и свобода; тема рода, всегда связанная для Блока с западноевропейской литературой: «Праматерью» Грильпарцера, творчеством Стриндберга, «Руго-Маккарами» Золя, — а также уже отмечавшаяся проблема «*éducation sentimentale*») зарождались в атмосфере постоянных общений с Пястом, бесед с ним и мыслей о нем, о его связях с Польшей — *славянской Европой*. И если себя Блок осмыслял в образе «русского дворянского интеллигента» — Сына, «подсвеченном» персонажами Флобера и отчасти «слабым человеком» Стриндберга, то Пяст, его облик и настроения незримо, но вполне ощутимо присутствуют в польских образах «Варшавской поэмы».

Назвав Пяста в числе ближайших друзей, Блок скорее противопоставил, чем сопоставил отношения с ним и свою прошлую дружбу с Белым. Отношения с Пястом, считал он, проще, внутренне честнее, человечнее — это отношения людей, а не элитарный союз избранных. Блок не случайно назвал Пяста в «Памяти Августа Стриндберга» «товарищем», воздав в этой же статье восторженную хвалу «товариществу» (как типичной связи стриндберговских «новых людей»): с этим именем «связаны заветные мысли о демократии; это — самое человеческое имя сейчас <...>, открытый и честный взгляд; правда, легко высказываемая в глаза <...> пожатие широкой и грубой руки» (V, 468). Пяст и был для

Блока другом — «товарищем», разделяющим «земной юдоли//Невеселые труды» (III, 84). Более того: главный «пафос» дружбы с Пястом для Блока состоял именно в том, что это были новые для него «товарищеские» отношения — «земные», демократичные и глубоко человеческие. Практически все сказанное обращивалось, как правило, неустанными заботами Блока о больном и неустроенном «товарище», волнениями по поводу его призыва в армию (см. VIII, 465; ЗК, 247), психического заболевания (см. VII, 234; ЗК, 250—251, 253), устройством его произведений в печать¹¹⁸, помощью в дни выздоровления Пяста¹¹⁹, сочувственными размышлениями о тяжелой семейной жизни Пяста (разлад в семье, попытка развода с Н. А. Пестовской, тяжесть расставания с детьми и т. д., см. VII, 70, 87, 177, 192, 196, 197, 205, 241 и др.), денежной помощью (VII, 196) и т. д.¹²⁰ Блок и сейчас соединяет заботливость с суровой правдивостью: так, он говорит Пясту в 1915 г. о болезненности его психики, считая, что только знанием о болезни можно ее победить. Но теперь болезнь Пяста, как и сложность его жизни, не отталкивают Блока: «товарищество» основывается не только на глубине связей, но и на простой человеческой помощи. Болезнь Пяста не мешает Блоку остро чувствовать духовно-прекрасное в нем: его постоянный духовный накал, энтузиазм, скромное благородство, человечность, общительность, отсутствие позы и т. д.

И все же усиливающиеся расхождения во взглядах, «неправда», «заводившаяся» между Блоком и Пястом с лета 1912 г., не могли не сказаться на их отношениях. Различия в оценке символизма и в его понимании теперь (в отличие от 1905—1907 гг.) существенной роли не играют: Блока слишком мало волнуют нюансы истолкования символизма как «школы в искусстве». Но очень разное отношение к проблеме «Россия и Запад» оказывается важнейшей причиной подготавливающегося разрыва.

Уже в конце 1911 г. Блок отмечает: «С Пястом о «политике» — о славянофильстве и западничестве» — какой-то постоянно возникающий и невытанцовывающийся разговор, от которого маленькая Люба хочет спать, говорит, что он похож на игру в шахматы» (26 октября 1911 г. — VII, 77). Принципиально важна для понимания этих разногласий дневниковая запись от 22 декабря 1911 г. об одном из разговоров с Пястом — как всегда, «до 3-х часов» ночи (VII, 104). Идущим от Вл. Соловьева и отчасти от Достоевского мыслям Пяста (и Вяч. Иванова) о единой «всечеловеческой» культуре, о русском человеке как участнике всемирной жизни Блок противопоставляет «свое». При всей близости России к «путям» Запада и Востока, главный путь у нее — особый: «С запада и с востока блаженство — там не пути, но разветвления наших путей. <...> Слишком большие уклонения, извивы пути (всепонимание, вселюбие) создают холодный ужас <...>, безумие». При всей жизненной важности европейского опыта, считает Блок, он неизбежно воспринимается русским человеком иначе, чем свой, — менее «человечески», более отчужденно и эстетизированно: «Больно, когда падает родная береза в дедовском саду. Но приятно, сладко, когда Галилея и Бруно сжигают на костре, когда Сервантес изранен в боях, когда Данте умирает на паперти» (VII, 104). Родина как высшая нравственная ценность остро ощущается в момент смерти: «Приходит возраст (в свое время), когда всепонимание само прекращается, когда над бедным шоссеиным путем протягивается косяной перст, и черную рясу треплет родной ветер. Потом проходит и родное (родина). . .» (VII, 105). Кардинальная важность для Блока этих мыслей проявилась, в частности, в том, что они позже воплотились в центральном цикле «третьего тома» — «Родина» (ср. в особенности «Ветер стих, и слава зарева» — август 1914 г.; III, 271, — и «Последнее напутствие» — 14 мая 1914; III, 272—273).

Пяст воспринимает позицию Блока как близкую к националистической — Блок считает мирозерцание Пяста «западническим» и пенародным. Особенно усиливаются разногласия в годы первой мировой войны. «Я знаю, — пишет Пяст 27 октября 1914 г. Г. И. Чулкову, — Ваше непримиримое отношение к западу, которое с Вами разделяет и Блок». Пяст же считает, что «если *Ex oriente lux*, то не менее прекрасна и закатная заря западной культуры»¹²¹. «В жар и в холод одновременно, — пишет он, — бросила меня одна фраза Блока в начале войны: «Ваши игрушечные Бельгия и Швеция»¹²². Обе позиции, однако, не могут быть оценены однозначно. Не следует забывать, что если настроения Блока 1910-х годов действительно порой окрашивались националистически (ср. идеи «желтой опасности»), то им была присуща и безошибочная стихийно-демократическая реакция на события, в данном случае — ослабленность с самых первых дней войны оборо-

ческих иллюзий, отсутствие любви к «союзникам». Пяст же, напротив, с самого начала войны встал на последовательно оборонческие позиции¹²³ и им не изменял. Блок, уважая искренность чувств Пяста («его заслуга — в том», что он восхищался «тем, чем «все» восхищались мелко и поддельно, — глубоко и неподдельно» — ЗК, 283—284), никак не мог их разделять. Напротив, наивный патриотизм Пяста помогает Блоку четче сформулировать его собственную, уже весьма к этому времени (6 марта 1916 г.) скептическую точку зрения.

Усиливается и давнее неприятие определенных сторон жизни друг друга. Так, Пяст не понимает самой сути блоковского протестующего «самосжигания», сводит его к серии поступков странных, почти анекдотических, а в плане серьезном — к «демону извращенности» (образ Э. По): «Мы спросили как-то вдвоем с ним себе устриц. Я признался в своей любви к ним. Блок тоже, но при этом сказал: «Знаете? Ведь устрицы *полезны*. В них железо и так далее. Но в этом их трагедия!»

Трагедия, собственно, не устриц, но их потребителей, конечно. И это очень характерно для него и демона извращенности в нем. Полезность кушанья, то есть то, что при другой (нормальной?) психологии служило бы свойством, оправдывающим в собственных глазах пристрастие к нему, Блоку казалось, наоборот, свойством трагическим и было для него непереносимо («...») Блок признавал чай, крепкий, как кофе; вино, бессонные ночи, острое, пряное — все оттого, что это было *вредно*¹²⁴. В этом же тоне глубокого непонимания Пяст рассказывает о стремлении Блока как можно скорее растратить небольшое наследство, полученное после смерти отца¹²⁵, и т. д. Конечно, Пяст слишком романтик, чтобы не видеть связи подобного «извращенного» поведения Блока с его гениальностью, и слишком любит его, чтобы «осуждать». Но Пяст все же, видимо, пытается как-то воздействовать на Блока (ср. их беседу весной 1911 г., во время поездки в Сестрорецк, о «*savoir vivre*», VIII, 340—341). Все это приводило, однако, лишь к росту взаимного непонимания, после начала войны не раз выливавшегося в чувство отчужденности. Пяст жалуется на блоковское «угрюмство нелюдимое»¹²⁶ — встречи постепенно сокращаются (порой вынужденно: в конце 1914—начале 1915 г. из-за ухода Пяста в действующую армию и его болезни, с осени 1916 г. — из-за отъезда в армию Блока), письма становятся все короче. За всеми случайными инцидентами вырисовывается постепенно основная несовместимость «западнического» либерализма и оборончества Пяста (особенно выявившихся после Февраля) и революционного максимализма и антивоенного пафоса Блока, традиционного «гуманизма» Пяста — и блоковских прозрений о «колоколе антигуманизма» (VI, 114), пястовского тяготения к политике, логизму и упорядоченности (противостоящих его болезням) — и блоковского утверждения права личности на протестующую гибель — все то, что делало Пяста в глазах Блока «европейцем», а Блока в глазах Пяста — гением, пораженным «демоном извращенности»¹²⁷.

Встречи 1917 г. (после возвращения Блока 19 марта 1917 г. в Петроград) достаточно часты, но явно холоднее прежних. После Октября наступает полный разрыв: Пяст, не принявший революции, печатно отказывается выступать на вечерах, где Л. Д. Блок читала «Двенадцать»¹²⁸, прекращает знакомство с Блоком — «не подает ему руки»¹²⁹. Правда, некоторые контакты сохраняются: Пяст отдает Блоку долг, берет и возвращает ему одну из своих неопубликованных рукописей¹³⁰; они постоянно «видятся» в издательстве «Всемирная литература», в «Союзе поэтов», «Доме искусств» — «но не кланяются друг другу»¹³¹. Для обоих этот разрыв очень тяжел. Блок продолжает быть к Пясту «благожелательным», готовым к помощи¹³². Весной 1921 г. (апрель) общие друзья мирят их¹³³, так как, по словам Пяста, «платформы» наши вновь сблизились¹³⁴. После этого Блок и Пяст несколько раз встречаются и один раз даже ведут какой-то долгий разговор на «личную тему», волновавшую Пяста¹³⁵. Однако ни следа прежней близости уже нет.

Пяст остался в жизни Блока как его приятель 1905—1907 гг., ближайший «товарищ» — друг в 1910-х годах и человек, неизменно отходивший от поэта в годы его максималистских «*élans*» к народу и революции. Блоковский поэтический «миф о дружбе» был безусловно сильно обогащен его «товариществом» с Пястом. Вместе с тем сама поэтическая концепция «дружб» как этапов на трагическом и героическом незавершенном «пути» поэта к «*Vita nuova*» в отношениях с Пястом полностью подтвердила заключенную в ней художественную и человеческую правду.

* * *

Письма Блока к Пясту публиковались Пястом неоднократно, начиная с 1923 г. (4 письма: от 7.V.1906, 24.V.1911, 19 (6). VII.1913 и 6.IV.1915 — появились в журнале «Петроград», 1923, № 6; 1 письмо от 6.VI.1911 — в «Литературном еженедельнике», 1923, № 31, и 1 письмо — в журнале «Звезда», 1931, № 10). 21 письмо было впервые опубликовано в кн.: Вл. П я с т. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб., «Атеней», 1923, с. 81—105; там же — перепечатка опубликованных ранее писем. Из названных 27 писем Блока, опубликованных Пястом, в 8-томное собрание сочинений вошли тринадцать: 1) 7.V.1906 (VIII, 154—155), 2) 15.X.1906 (VIII, 163—164), 3) 24.VII.1908 (VIII, 249), 4) 20.VIII.1909 (VIII, 291—292), 5) 23.I.1911 (VIII, 327—328), 6) 24.V.1911 (VIII, 337—338), 7) 29.V.1911 (VIII, 339—341), 8) 6.VI.1911 (VIII, 345—347), 9) 3.VII.1911 (VIII, 349—350), 10) 27.XI.1911 (VIII, 379), 11) 19 (6). VII.1913 (VIII, 424), 12) 6.IV.1915 (VIII, 443—444) и 13) 26.IV.1915 (VIII, 445—446). Все эти письма ввиду их достаточно широкой доступности здесь не перепечатываются, а лишь используются в комментариях, чтобы сохранить «диалогический» характер переписки.

Однако ряд писем Блока к Пясту, публикуемых ниже (в основном — небольшие по объему записки), не был напечатан Пястом. Часть из них через собрание Ю. А. Бахрушина попала в ЦГАЛИ (15 записок: от 14 и 27.XI.1906, 10.I и 12.X.1907, 13.XII.1908, 25.XI.1909, 17.II и 29.VI.1911, 1, 6 и 22.IV, 31.V, 21.VII, 30.XII.1912, 3.III.1913), часть — через собрание А. Е. Бурцева — в рукописное собрание ИРЛИ АН СССР (Пушкинского дома) (5 записок: 24.X.1911, 8.I, 15 и 18 XII, 1912, 30.I.1914); 3 записки (8.II.1906, 10 и 12.IV.1915) хранятся в ГПБ в Ленинграде, 2 (от 24.V.1906 и от середины декабря 1908 г.) — в Государственном литературном музее. Одна записка Блока от середины января 1915 г. (см.: Вл. П я с т. Воспоминания, с. 102) остается неразысканной (ср.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. I. М., 1975, с. 342—350. В нашей публикации, в связи с необходимостью комментария перепечатано также несколько записок, приведенных в указ. каталоге.

Письма Пяста к Блоку, хранившиеся в 1920-х годах у Л. Д. Блок, Пяст на время брал себе, работая над книгами «Воспоминания...» и «Встречи», т. е. около 1923 и 1929 гг. (ср. упоминания и краткие выдержки из них в «Воспоминаниях», с. 89, 92, 100, 106). Полностью он привел лишь одно письмо — от 3 декабря 1912 г. Остальные письма не печатались. Публикуются по оригиналам (ЦГАЛИ; ф. 55, оп. 1, ед. хр. 375).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. стихотворение «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» (III, 156).

² Так, например, мотивы юношеской элитарной дружбы, затем враждующих двойников, а в конце 1900-х и в 1910-х годах — тема воспоминаний об ушедшей духовной близости в большинстве случаев, как известно, навеяны отношениями с Белым; мотив «друга-предателя» во многом определен поведением Г. Чулкова и т. д.

³ Так, ранние (1898—1903) стихотворения Блока о дружбе («Ты много жил, я больше пел...», «Так. Я знал. И ты задул...», «Дали слепы, дни безгневны...» и др.), включенные в «трилогию», создавая образ мистической «Первой дружбы», как бы рисуют исходную ситуацию духовного и жизненного пути «я». Творчество 1903—1907 гг. (лирика, драма «Балаганчик»), а также примыкающие к ним позднейшие стихотворения: «Друзьям», «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» и драма «Песня Судьбы» (ср. особенно ранние редакции) в «трилогии» отображают коллизии периода разрушенных человеческих связей. Наконец, в ряде стихотворений начала 1910-х годов встречаем попытку включить историю «дружб» в целостный поэтический «миф о пути» («Как свершилось, как случилось?...»), мысли о «товарищеском долге («Соловиный сад»). Что касается темы будущих отношений «человека-артиста» с людьми и миром, то она получит наиболее полное выражение уже за пределами «трилогии» — в послеоктябрьском творчестве Блока («Двенадцать», «Скифы», особенно же — «Крушение гуманизма»).

⁴ Письма Блока к Е. П. Иванову опубли. в кн.: «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. С приложением писем Ал. Блока к М. П. Ивановой и «Петербургской поэмы» Блока». Редакция и предисловие Ц. Вольпе. Подготовка текста и комментарии А. Космана. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936. См. также: «Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке». Публикация Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова («Блоковский сб.», 2, с. 344—424); «А. А. Блок. Письма к В. А. Зоргенфрею». Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. — «Русская литература», 1979, № 1. Переписка Блока с А. В. Гиппиусом публикуется в наст. томе.

⁵ Тема «Блок и Пяст» не была еще предметом научного рассмотрения, однако внешняя канва отношений художников четко и подробно очерчена самим Пястом. См.:

Вл. П я с т. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб., «Атеней», 1923; Вл. П я с т. Встречи. М., «Федерация», 1929.

⁶ В ГПБ хранится «Автобиография» Пяста (ф. 474, альбом № 2).

⁷ См.: А. Б е л ы й. Начало века. М.—Л., ГИХЛ, 1933, с. 449. Об отце Вл. Пяст подробно пишет в своей поздней (1930-е годы) автобиографии: он «был энтомологом по образованию, чиновником по роду деятельности», человеком искусства — по кругу интересов. А. Пяст писал «до сорока лет плохие русские и отличные латинские стихи, с сорока же лет писал и русские хорошие <...>. Почти всю жизнь отец мой любительствовал как актер» (в театре за Нарвской заставой, у режиссера Е. П. Карпова). Дома, по вечерам, он «читал вслух стихи. Знал их великое множество. Больше всего любил Пушкина, Фета, Ал. Толстого, Майкова». На квартире Пястов устраивались домашние вечера. (Вл. П я с т. Автобиография, л. 122).

⁸ См.: Л. А. Мей и его поэзия». Ред. и статья Вл. Пяста. СПб., «Парфенон», 1922, с. 4. На одном из концертов в квартире Пяста П. А. Стрепетова читала отрывки из «Москвитянки» Л. А. Мей; чтение произвело на тринадцатилетнего Пяста «неописуемое впечатление», «точно слушал я ангельские хоры» (Вл. П я с т. Автобиография, Л., 123 об.). Отсюда и началось увлечение Меем.

⁹ См.: Вл. П я с т. Поэма в тонах. М., «Пегас», 1911, с. 5. В 1899 г. тринадцатилетний Пяст находит «в огромной бабушкиной библиотеке» переводы произведений Э. По. Они, — пишет Пяст, — произвели в моей душе настоящий переворот. Все, что было в них <...>, казалось мне поистине нечеловеческим, находящимся вне трех измерений, не набранным в типографии, но откуда-то из бездны, из потустороннего, выброшенным в этот мир». Пяст первоначально заболевает, и лишь постепенно «шахматы, спокойный Мей, летом плавание, скачки, прогулки» излечивают его «от первого приступа «эдгарпоизма»» («Автобиография», л. 124 об.).

¹⁰ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 42192 («Студенческое дело В. А. Пестовского»), л. 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Правда, сам Пяст пишет, что женился в 1906 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Сам Пяст, однако, пишет, что окончил университет в 1910 г. («Автобиография», л. 127).

¹⁵ См.: «Вопросы жизни», 1905, № 6; «Свободная совесть», кн. 2. М., 1906; «Корабли». М., 1907; «Цветник Ор». Кошница первая. СПб., «Оры», 1907; «Белые ночи», Петербургский альманах. СПб., 1907; «Антология». М., «Мусaget», 1911; «Сирия», сб. 2. СПб., 1913; «Пряник осиротевшим детям». Пг., 1914; «Бельгийский сборник». Пг., 1915; Сб. «В год войны». Артист — солдату. Пб., 1915; «Альманах муз». Пб., «Фелана», 1916.

¹⁶ Вл. П я с т. Ограда. Книга стихов. СПб., Тов-во М. О. Вольф, 1909 (переиздано: Вл. П я с т. Ограда. Первая книга лирики. Берлин — Пб. — М., изд. З. И. Гржебина, 1922).

¹⁷ Вл. П я с т. Поэма в тонах. М., «Пегас», 1911. Не удовлетворенный поэмой, Пяст пытается свечить весь тираж («Автобиография», л. 127). Часть тиража, однако, сохранилась.

¹⁸ См. статьи о В. Брюсове, Вяч. Иванове и Андрее Белом в кн.: «Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Под ред. Модеста Гофмана. СПб. и М., изд. Тов-ва М. О. Вольф, <1909>; а также: Вл. П я с т. «Стихи о Прекрасной Даме». — «Аполлон», 1911, № 8, с. 68—71; Стилист-рассказчик. Критическая заметка Вл. Пяста. — «Известия книжного магазина Тов-ва М. О. Вольф», 1910, № 3, с. 82—84; Вл. П я с т. По поводу последней поэзии. — «Gaudeamus», 1911, № 4, с. 8—10; № 5, с. 8—11; Вл. П я с т. Государственный переворот (литерическая публицистика). — «Gaudeamus», 1911, № 9, с. 8—9; № 10, с. 8—11; П я с т. О. Мандельштам. Камень (рец.) — «День», 1916, № 20, 21 января, с. 5 и др.

¹⁹ Вл. П я с т. Нечто о каноне. — «Труды и дни», 1912, № 1, январь-февраль, с. 25—35.

²⁰ Основные псевдонимы Пяста в газетных статьях: В. П., Вл. П., Калугин, Б.; Калупин, Б.; Калупин, Б. Ф.; Омелянович, Павленко, Рустикус.

²¹ Вл. П я с т. Львиная часть. Вторая книга лирики. Берлин — Пб. — М., изд-е З. И. Гржебина, 1922; Вл. П я с т. Третья книга лирики. Берлин — Пб. — М., 1922.

²² Кроме уже упомянутых книг «Воспоминания о Блоке» (1923) и «Встречи» (1929), см.: П я с т. Памяти Блока. — «Вестник литературы», 1921, № 8; П я с т. О «первом томе» Блока. — О чтении Блоком стихов. — Сб. «Об Александре Блоке». Пб., «Картонный домик», 1921.

²³ Т и р с о д е М о л и н а. Дон Хиль Зеленые штаны. Берлин, «Петрополис», 1923 (там же — на с. 330 — сведения о неопубликованных переводах Пяста из Тирсо де Молина); Т и р с о д е М о л и н а. Театр. «Academia», 1934. Здесь опубликованы, кроме «Дон Хиль», также сделанные Пястом переводы пьес «Осужденный за недостаток веры» и «Севильский озорник, или Каменный гость».

²⁴ Вл. П я с т. Современное стиховедение. Ритмика. Изд-во писателей в Ленинграде, 1931 (см. рецензию Б. М. Эйхенбаума на рукопись этой книги (ГПБ, ф. 709), где ей дается в целом положительная оценка); О н ж е. Современный декламатор. М.—Л., «Книга», 1926.

- ²⁵ Н. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. — «Блоковский сб.», 1, с. 478.
- ²⁶ См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 20.
- ²⁷ Там же, с. 21.
- ²⁸ В. Пяст. Автобиография, л. 125.
- ²⁹ В. Пяст. Воспоминания, с. 20 и 7.
- ³⁰ Там же, с. 20.
- ³¹ Там же, с. 25.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, с. 24.
- ³⁴ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 7. Вл. Пяст и его родители в это время жили в одном доме с Мережковскими.
- ³⁵ Вл. Пяст. Встречи, с. 67.
- ³⁶ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 32.
- ³⁷ О Б. В. Никольском и руководимом им студенческом кружке см.: В. И. Беззубов, С. Г. Исаков. Блок — участник студенческого сборника. — «Блоковский сб.», 2, с. 325—331.
- ³⁸ Вл. Пяст. Встречи, с. 72.
- ³⁹ Там же, с. 115.
- ⁴⁰ Названия групп, разумеется, условны: речь идет лишь о выделении «левых» студентов с преимущественно политическими и социальными интересами — и тех, кто был занят «чисто» эстетическими вопросами. С. Городецкий занимал промежуточную позицию.
- ⁴¹ См. ниже, прим. 50 и след.
- ⁴² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 35. См. также: Вл. Пяст. Поэма в венах, с. 11.
- ⁴³ Вл. Пяст. Ограда. Книга стихов. Изд. тов-ва М. О. Вольф, 1909, с. 23.
- ⁴⁴ Там же, с. 17.
- ⁴⁵ Там же, с. 21.
- ⁴⁶ Там же, с. 53—54.
- ⁴⁷ Например, в статье о В. Брюсове Пяст вполне соглашается с его представлением о том, что каждая «книга стихов должна быть <...> замкнутой целым» («Книга о русских поэтах последнего десятилетия». СПб. и М., 1909, с. 66).
- ⁴⁸ Ср. полупиронические слова А. Белого о первом впечатлении от Пяста: «Очень чопорный, нервный и бледный; несет караул перед лозунгами символизма» (А. Белый. Начало века. М.—Л., ГИХЛ, 1933, с. 449).
- ⁴⁹ Инициатор создания «Книги» — М. Гофман, основные участники — Гофман, Пяст и Б. Дикс (все — из «Кружка молодых»). По одной статье написали А. Попов, Л. Лернер и Вал. Брюсов. Редакция оговорила свое неполное согласие со статьей А. Попова о Минском, подчеркнув тем самым наличие в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» единой редакционной точки зрения.
- ⁵⁰ «Книга о русских поэтах последнего десятилетия», с. 28.
- ⁵¹ Там же, с. 20.
- ⁵² Там же, с. 31.
- ⁵³ Там же, с. 65—66.
- ⁵⁴ Ср.: Имя Вяч. Иванова «становится новым звеном в цепи дорогих сердцу имен, протянувшихся через нашу родную литературу» («Книга о русских поэтах последнего десятилетия», с. 267).
- ⁵⁵ Там же, с. 270.
- ⁵⁶ Там же, с. 269.
- ⁵⁷ Там же, с. 144.
- ⁵⁸ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 38.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ «23 сентября» 1908 г. клинический военный госпиталь уведомил ректора университета о том, что 20 сентября с Финляндского вокзала был доставлен Пестовский «с ушибленной раной головы». Пострадавший утверждал, что «раны причинены ему наехавшим поездом». Жена Пестовского сообщила, что муж «прежде страдал какою-то формой психоза и совершил попытку на самоубийство под влиянием такового» (ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 42192, Студенческое дело В. Пестовского, л. 1).
- ⁶¹ Ср. запись о позднейшем периоде жизни Пяста: «Он был весь комком туги и беспорядочно завязанных нервов, и беседа с ним, как бы ни была она интересна, утомляла до чрезвычайности» (Всеволод Рождественский. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. Л., 1962, с. 204).
- ⁶² Так, Блок, по словам Пяста, отказывается слушать его рассказы о только что прошедшей душевной болезни (1906): «Александр Александрович» сказал: «Ведь это все не кончилось, я знаю. Не надо же, нельзя рассказывать пока» (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 37).
- ⁶³ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 38.
- ⁶⁴ Особенно тесно сближались в эти годы «миры» Пяста и Блока через М. Гофмана, взгляды которого на литературу были очень близки Пясту, но идеи «сборного индивидуализма» в чем-то соприкасались с блоковскими поисками 1907—1908 гг. По свидетельству Пяста, Блок в 1906—1907 гг. часто бывал у М. Гофмана («Воспоминания», с. 38; «Встречи», с. 127—128). Тема «Блок и М. Гофман» еще ждет исследования.

⁶⁵ См. письма Блока от 24.VII.1908 (VIII, 249) и 20.VIII.1909 (VIII, 291—292), письмо Пяста от 14 (?). X.1907.

⁶⁶ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 43.

⁶⁷ Одним из знаков апогея нового сближения Блока с Пястом явилось посвящение Пясту 22 декабря 1911 г. ранее (1908) написанного стихотворения «Май жестокий с белыми ночами».

⁶⁸ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 46.

⁶⁹ См. мою статью «Ал. Блок и русский символизм» в наст. томе.

⁷⁰ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 22, 52—58 и др.; Блок. VII, 70, 75, 77, 87, 94, 101, 136, 140, 144 и мн. др.

⁷¹ См. письма Блока от 23.I.1911 (VIII, 327—328), 6.II.1911 (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 88), 14.II.1911 (там же), 24.V.1911 (VIII, 337—338), 29.V.1911 (VIII, 339—341), 6.VI.1911 (VIII, 345—347), 3.VII.1911 (VIII, 349—350), 5.VIII.1911 (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 96), 19.IX.1911 (там же), 27.XI.1911 (VIII, 379), 23.I.1912 (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 98), 13.IV.1912 (там же), 14.IV.1912 (там же, с. 99), 29.V.1912 (там же), 14.XII.1912 (там же, с. 100). См. также письма Пяста 4—13. Следует помнить, что переписка почти прекращалась зимой, как только Блок возвращался в Петербург, но сменялась почти ежедневными встречами и разговорами по телефону (ср.: Блок. VIII, 168, 177, 183, 185 и мн. др.).

⁷² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 43; Встречи, с. 160—161. Политические взгляды Евг. Аничкова, отличаясь в те годы неопределенной «левизной», не были устойчивыми: он считал себя марксистом, но сотрудничал и в кадетских изданиях, принимал участие в работе «Крестьянского союза» (Ср.: Вл. Пяст. Встречи, с. 160).

⁷³ См.: Вл. Пяст. Встречи, с. 183—188 и VIII, 327.

⁷⁴ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 16.

⁷⁵ Видимо, мелочного честолюбия, «журнального» соперничества.

⁷⁶ Ср. письмо Блока от 6 февраля 1911 г. (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 88).

⁷⁷ В письме Э. К. Метгеру от 22 апреля 1912 г. Белый, видимо, оправдываясь, говорит, что статья Пяста вошла в «Труды и дни» только из-за «непременного желания Иванова и Блока видеть ее в печати» (ГБЛ, ф. 167, ед. хр. 2.51, л. 1). Вл. Пяст сам знал о трениях, возникших при публикации его статьи, и о позиции Блока и Иванова.

⁷⁸ Вл. Пяст. Нечто о каноне, с. 27.

⁷⁹ Там же, с. 28.

⁸⁰ Там же, с. 31.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, с. 28.

⁸³ Там же, с. 33.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Ср.: «Чтобы выйти из заколдованного круга противоречий (...), мы должны создать самих себя. И единственная круча, по которой мы можем еще карабкаться, это мы сами.

На вершине нас ждет наше «я» (А. Белый. Символизм. Книга статей. М., «Мусатгет», 1910, с. 453).

⁸⁷ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 60.

⁸⁸ Блок и Пяст «исходили (...) вдвоем Таракановку и Петровский остров, Петербургскую и Пески, Лесной и Екатерингоф — но более всего острова» (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 58).

⁸⁹ Там же, с. 54—58.

⁹⁰ Наум Ильич Идельсон (1885—?) окончил два факультета Санктпетербургского университета: юридический (1907) и физико-математический (по математическому отделению — 1908) (ЛГИА, Студенческое дело, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 39 837). Впоследствии служил юристом, был сослуживцем Блока по Инженерно-строительной дружине и Чрезвычайной следственной комиссии. В период службы в дружине Блок особого интереса к Идельсону не проявлял (см.: VIII, 467, а также чисто деловые упоминания: VIII, 471, 474, 481), но во время работы в Следственной комиссии характеризует его как «умного «западника» (VII, 260), отмечает «интересный разговор» (VII, 261) с ним, существенную разность позиций (ЗК, 347), по и известную общность взглядов и настроений (VII, 272, 281, 293, 294).

⁹¹ Борис Петрович Гушин (1874—?) — студент-технолог, позже библиотечный работник. Блок знал Гушина еще с 1904 г. (см. ЗК, 61). В письме к А. Белому от 7 апреля 1904 г. Блок характеризует Гушина как «очень милого математика (и ученого)» (VIII, 100). Гушин (как и Идельсон) был приятелем кузена Блока, Феликса Кублицкого-Плетух. Блок в 1910-х годах встречается с Гушиным (VII, 137), бродит с ним по городу (ЗК, 226), видится с ним у М. А. Бекетовой (VII, 206) и у матери (VII, 238; ЗК, 227, 251, 252, 257).

⁹² Инженер Николай Павлович Бычков был знаком Блоку и как муж В. П. Вершиной — подруги Л. Д. Блок. Ряд записей 1910-х годов говорит о заинтересовавших Блока и его жену замыслах Н. П. Быčkova по созданию драматического кружка (см. VII, 205, 216).

⁹³ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 51.

⁹⁴ Там же, с. 52. Неизмеримо ближе Идельсона, Гушина и Бычкова Блоку 1910-х годов стал (также связанный с миром техники и промышленности) М. И. Терещенко, основной темой бесед с которым было искусство (см. VII, 355).

⁹⁵ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 44.

⁹⁶ Начало систематического чтения Блоком Стриндберга относится к концу 1910 г. (не ранее «второго знакомства» с Пястом) и длится более года; 27 декабря 1911 г. в дневнике Блока (VII, 111—112) появляется замысел, отчетливо связанный с кругом идей Стриндберга).

⁹⁷ О значении творчества А. Стриндберга и «стриндберговского героя» для Блока см. сообщения в четвертой книге наст. тома.

⁹⁸ По всей вероятности, Блок и Пяст читают Стриндберга по Полному собранию сочинений изд. Саблина (об этом издании и о других книгах Стриндберга в Петербургской библиотеке Блока 1910-х годов см.: Д. М. Шарыпкин. Блок и Стриндберг. — «Вестник ЛГУ», № 2. Серия ист., яз. и лит. Вып. 1. Л., 1963), во всяком случае — по изданиям конца 1900-х годов. Так, Блок 29 мая 1911 г. упоминает роман «В шкерах» (ЗК, 181), ранний перевод которого носил заголовок «В пучинах» пер. со шведск. В. Фирсова. СПб., «Общественная польза», 1898); Вл. Пяст в письме от 6 февраля 1911 г. говорит о романе «Красная комната», в раннем переводе названном «В красной комнате» (пер. В. А. Москалевой, СПб., изд. П. Ф. Пантелеева, 1901) и т. д.

⁹⁹ См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 44; Встречи, с. 222—234. Сам Блок в это время ехать не хочет. «Совсем не могу сейчас ехать, нет никакого чувства», — с обычной прямотой пишет он Пясту 13 апреля 1912 г. (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 98). В своей «Автобиографии» Пяст вспоминает: «В 1912 году на 13 дней отправляюсь в Стокгольм, потому что умирает Август Стриндберг, ставший для меня к той поре наиболее значимым на земле человеком и писателем» (л. 126 об. Курсив мой. — З. М.). Там же — эпизод прихода Пяста в дом Стриндберга и передачи через служанку умирающему «привета от Блока» и своей книжечки «Поэмы в ногах» (л. 127).

¹⁰⁰ Ср.: В. Пяст. Воспоминания, с. 44; он же. Встречи, с. 241. Блок уже 27 июня пишет матери о предполагаемой роли Пяста в подготовке «Стриндберговского вечера» (VIII, 395).

¹⁰¹ См. публикацию.

¹⁰² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 14. Свидетельство Пяста справедливо именно для Блока 1910-х годов.

¹⁰³ «Ночь бледнеет знакомой кудесницею. . .» (вошло в «Ограду», с. 92—93). См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 31.

¹⁰⁴ Идея этого журнала, просуществовавшего всего один год, возникла в «Кружке молодых» — однако в годы, когда Блок совсем отошел от кружка. Журнал соединял вяло-либеральные идеи сочувствия прогрессу, культуре, студенческому движению и т. д. с «эстетическими» тенденциями и был приостановлен после № 11, «вследствие индифферентного отношения молодежи к вопросам чистого искусства» («Gaudeamus», 1911, № 11, с. 1). В журнале печатались стихотворения Ал. Блока [«Из Гейне» («Не знаю, что значит такое. . .») — № 2, с. 9], В. Брюсова, Вяч. Иванова, М. Кузмина, С. Городецкого, а также вступающих в литературу в 1910-х годах А. Ахматовой, Вл. Нарбута, Г. Иванова и др. Пяст опубликовал в журнале «Gaudeamus» стихи (№ 5, с. 2) и статьи «По поводу последней поэзии» (№ 4, с. 8—10; № 5, с. 8—10) и «Государственный переворот» (№ 9, с. 8—9; № 10, с. 8—11).

¹⁰⁵ В. И. Нарбут. О Блоке. Ключки воспоминаний. — «Календарь искусств», Харьков, 1923. Сообщено Е. Литвин (см. наст. том, кн. 3). Ср. отрицательный отзыв Блока о стихах Пяста о Лигейе и Лигейе-Ровене (дневниковая запись от 28 октября 1912 г. — VII, 171).

¹⁰⁶ Вместе с тем, расходясь все больше в оценке символизма, Блок остается близок Пясту в ряде самых общих посылок подхода к искусству. Прежде всего их роднит представление об искусстве как отражении «духа жизни» и неприятие формального экспериментаторства. Критика акмеистического формализма в статье «По поводу последней поэзии» (1911) во многом предсказывает ход мыслей Блока в статье «Без божества, без вдохновения» (1921).

Блок рекомендует Пяста в журналы «Русская молва» и «Русское слово». Пяст, однако, сообщает, что в первом из них, как «недостаточно радикальном», он не сотрудничал («Автобиография», л. 127). «Но в «Русском слове» я с 1912 г. сотрудничать хочу. Поместил там сначала (без подписи) несколько компилятивных статей» (л. 127 об.). И там же: «По рекомендации Блока становлюсь с начала 1914 года постоянным стихотворным критиком газеты «День».

¹⁰⁷ Визит Пяста все время откладывался и так и не состоялся из-за болезни.

¹⁰⁸ См. письмо Пяста от 2 июня 1911 г.

¹⁰⁹ Для Блока была очень существенна принадлежность Пяста к древнему роду польских королей Пястов с его «кровавой» и «демонической» наследственностью (ср. запись, датированную февралем-мартом 1911, — ЗК, 175—176).

¹¹⁰ Самоощущение Пяста было иным. «Родовое» (польско-дворянское) в себе Пяст чувствовал только как тяжелые пути наследственности, от которых надо, хотя, быть может, и невозможно, освободиться (ср. стих. «Первый сознательный отпрыск немых поколений. . .» — Вл. Пяст. Ограда, с. 30). Свои же «западнические» симпатии Пяст (в духе Вл. Соловьева и Вяч. Иванова) считал чертой русской интеллигенции.

¹¹¹ Отсюда — убежденность Блока в том, что Пяст — человек, «нужнейший <...> в <...> журнале» (VIII, 383), сменявшая попытки конца 1910—начала 1911 г. убедить Пяста в их общей «нежурнальности». Ср. запись от 6 ноября 1911 г.: «Вечером он (Пяст. — З. М.) приходит опять, и мы говорим о стихах (а не о политике, как всегда в последнее время)» (VII, 84).

¹¹² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 70.

¹¹³ Эту неизменность идеалов Пяст сохранил и после революции. Вс. Рождественский, живший в годы Гражданской войны, как и Пяст, в Доме искусств, вспоминает о нем как о «последнем из воинствующих символистов». «Полусумасшедший поэт Вл. Пяст» «был действительно похож на пророка», его позиция апологета символизма была исполнена своеобразной «монументальной величественности» (Всеволод Рождественский. Страницы жизни, с. 200—201).

¹¹⁴ Вл. Пяст. Встречи, с. 68.

¹¹⁵ См.: В. М. Жирмунский. Драма Александра Блока «Роза и Крест». Л., изд. ЛГУ, 1964; С. М. Бонди. Драматургия Пушкина и русская драматургия. — В сб.: «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Сб. научно-иссл. работ. Под ред. Д. Д. Благого и В. Я. Кирпотина. М.—Л., 1941; З. Г. Минц. Блок и Пушкин. — «Уч. зап. ТГУ». Вып. 306 («Тр. по русск. и слав. филол.» XXI. Литературоведение). Тарту, 1973.

¹¹⁶ Вл. Пяст. Ограда, с. 7 и 8.

¹¹⁷ Ср. «уродливый Пяст» в шуточных стихах эпохи Дома искусств (Н. Павлов и ч. Воспоминания об Александре Блоке, с. 474). «Некрасивость» Пяста — признак, родственный «немолодости» другого прототипа Бертра — Ф. Ф. Кублицкого.

¹¹⁸ См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 70; см. также: Блок. VII, 148, 168, 181, 184, 226, 227.

¹¹⁹ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 71.

¹²⁰ Ср. эпитет «бедный», почти всегда сопровождающий упоминание имени Пяста (см. ЗК, 250, 473 и др.). Другое, столь же часто встречающееся определение — «милый» (ЗК, 313 и др.).

¹²¹ ГБЛ, ф. 371, 4.39, л. 3—4. Сообщено И. П. Якир.

¹²² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 69.

¹²³ Ср.: Вл. Пяст. Бельгия. — «Бельгийский сборник». Пг., 1915, с. 15—16. Опубликованное непосредственно перед пястовским стихотворение Блока «Антверпен» резко противостоит ему отсутствием «союзнического» пафоса. В архиве Пяста сохранился черновик его статьи «1917 г.?» («Cui prodest», ярко демонстрирующей его оборонческие настроения (ГПБ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 4)).

¹²⁴ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 67.

¹²⁵ Там же, с. 64. Во «Встречах» Пяста содержится свидетельство, что на деньги Блоков был создан театр в Териоках летом 1912 г. (с. 235).

¹²⁶ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 54.

¹²⁷ Правда, в 1910-х годах Пяст уже сам, как и Блок, ведет богемную жизнь (ср. VII, 155 и др.). Однако, очевидно, для Пяста «загулы» имеют совсем иной смысл, чем для Блока.

¹²⁸ См. записи Блока от 11 и 13 мая 1918 г. (ЗК, 406), а также статью «Тоска по средине» («Дело народа», 1918, 10 мая, № 38).

¹²⁹ См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 73; ср.: Блок. VIII, 371; ЗК, 414 и 436. Пяст относит «прекращение знакомства» к январю 1918 г., Блок отмечает первые «молчаливые встречи» с Пястом, который «не подал руки», 29 июня и 19 ноября 1918 г.

¹³⁰ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 73—74; ср.: ЗК, 468 и 473.

¹³¹ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 784.

¹³² Там же. Ср. эпизод: в 1919 г. Пяст по телефону просит Блока «поручиться перед властями за идейную аполитичность» его друга, «которого и Блок когда-то знал хорошо». Блок без промедления «исполнил эту просьбу» (В Пяст. «Воспоминания», с. 74). О неизменно теплом отношении Блока к Пясту и тяжелой жизни Пяста в годы гражданской войны в комнате Дома искусств подробно пишет Н. А. Павлович (см.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке, с. 477—478. Там же, с. 478—479, — о позднейшей жизни и о смерти Вл. Пяста).

¹³³ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 74; Блок. VII, 369; ср.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке, с. 477—478.

¹³⁴ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 74—75.

¹³⁵ Там же, с. 75—76.

1. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 8 февраля 1906 г.»

Милый Владимир Алексеевич.

Не придете ли в пятницу (10-ого) поговорить о кружке¹.

Надеюсь, что придет Городецкий. Он писал мне, что Вы, Юнгер² и Годин³ хотели устроить собрание в пятницу, но — нельзя (м. б., придут посторонние — что не мешает нам говорить, а главное, — нельзя уже всех изве-

стить). Решили уж собраться во вторник (14-ого). Между тем нам бы очень хорошо было поговорить о принципе приема в члены кружка.

Не кажется ли и Вам, что сначала большая замкнутость?

Если не заняты, приходите. Буду ждать.

Ваш Ал. Блок.

8 февраля 1906 г.

ГПБ, ф. 622, ед. хр. 9, л. 1.

Переписка Блока и Пяста началась осенью 1905 г.: «Прошел <...> октябрь <...>. Меня застает большим первое письмо Блока ко мне с приглашением к нему» (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 21. Упомянутое письмо Блока от 26 октября 1906 г. — там же, с. 81). Пяст на это письмо не ответил, так как, поправившись, сам пошел к Блоку в гости (там же, с. 22 и след). Таким образом, публикуемый здесь текст — второе из писем Блока Пясту.

¹ Речь идет о студенческом «предварительном» «кружке молодых» (см. вступ. статью).

² В. А. Юнгер (1882—1918) — поэт, педагог, в 1900-х годах — студент, член «кружка молодых». Друзья С. М. Городецкого братья Юнгеры (поэт и архитектор) в 1906 г. считали себя марксистами и ратовали за демократизацию кружка.

³ Яков Владимирович Годин (1887—1954) — поэт, член этого же кружка. В 1908 г. опубликовал свою «Автобиографию» в «Альманахе молодых» (СПб., типо-лит. «Печатное искусство»), где была напечатана и автобиография Блока. Ср. там же: О. р. О. Л., де «О. Л. Оршер». Автобиография великих, малых и крошечных писателей (Шаржи) — прописные отклики на автобиографии, в том числе А. Блока и Я. Година. См. воспоминания Я. Година «Памятные встречи» (о встречах с Блоком в 1905 г. — «Литературная Удмуртия», 1958, № 1, с. 119—120).

2. ПЯСТ — БЛОКУ

München, 17 Mai 1906 ¹

Дорогой Александр Александрович.

Наудачу посылаю Вам письмо; может быть, его перешлют Вам, если Вы уехали ². Не понимаю, как это каждый русский, имеющий свободное время и хоть очень немного неистраченных денег, не ездит — на месяц года через два — за границу ³. Впрочем, может быть, только первая поездка так пленительна.

Берлин, по которому меня провез извозчик, прямо ослепил мои (думаю, широко раскрытые) глаза. Через четверть часа поезд умчал меня в Дрезден, где я был пьян трое суток. Только Мюнхен, где я наконец поселился в комнате (Schwabing, Marktstrasse, 6a, 11 r), не то что охладил, а скорее ошпарил меня: по жаре я три дня отыскивал неуловимую русскую читальню и исчезающую перед носом квартиру. Теперь я остепенился, отдыхаю, «корреспондирую» по утрам, по вечерам читаю, днем осматриваю город (почти исключительно снаружки) и захожу в грандиозное и привлекательное здание Университета ⁴. Впрочем, в число студентов не записался (кажется, уже теперь поздно), а для спокойствия совести уплату некоторым профессорам гонорары. Вообще же там слушать лекции может, кажется, всякий. Верхнее платье оставляют в аудиториях, а лекторов встречают и провожают топаньем, что я сначала принял за бойкот. Несмотря на полное непонимание того, что говорят два немца рядом где-нибудь в кафе или на вокзале, — слышанные мною лекции я отлично понял: одна была по аналитической геометрии, другая по венецианской живописи, третья (профессора философии) по «драматургии в тесном смысле» (изъяснялось устройство сцены) ⁵. Вот, я наболтал много, а о главном, о важном ничего не сказал. Если пришлете адрес летний, то, вероятно, мне удастся написать Вам что-нибудь иное. Во всяком случае пришлю Вам стихи, написанные мною частью в городе после нашего разговора 3-го апреля ⁶, частью здесь (все в один день) ⁷. Сдали Вы, наконец, экзамены? ⁸ Заранее поздравляю. Жалею, что не удалось увидеться перед отъездом ⁹. Хотя сам виноват, поленился написать и пришел поздно. Передайте Вашим мой привет и почтение. Не едет ли Борис Николаевич в Германию и не будет ли в Мюнхене? ¹⁰ Если будет, то же грешно ему не зайти ко мне.

Адрес мой на второй странице.

Преданный Вам В. Пестовский

¹ Письмо, отправленное в период занятий Пяста в Мюнхенском университете (см. вступ. ст.), — первое письмо Вл. Пяста к Блоку. Публикуемому письму предшествует, кроме названных выше, маленькая записочка Блока от 6 апреля 1906 г., где он просит Пяста отменить его намечавшийся предотъездный визит из-за болезни Л. Д. Блок и предэкзаменационных занятий Блока (Вл. П я с т. Воспоминания, с. 81).

Дата письма из Мюнхена — по новому стилю.

² Речь идет об отъезде Блока в Шахматово. Из ответного сообщения Блока 7 (21) мая 1906 г. следует, что Блок получил первое письмо Пяста в Петербурге, так как его отъезд из города задержался из-за сдачи государственных экзаменов (см. VIII, 154).

³ О реакции Блока на высокую оценку Пястом Европы см. вступ. ст.

⁴ В автобиографической поэме Пяст детально описывает впечатления от «царственного Берлина» (Вл. П я с т. Поэма в нонах. М., «Пегас», 1911, с. 15), Дрездена с его знаменитой картинной галереей и «вечно-девственной Сикстинской Мадонной» (там же), от Мюнхенского университета (там же, с. 19). Впрочем, свои впечатления 1906 г. Пяст 1910-х годов склонен считать несколько преувеличенными, объясняя их яркостью первого знакомства с Европой («Не видел Запада — таким он показался» — там же, с. 15).

⁵ Несколько иначе — в поэме Пяста:

... Эти лекции описывать не буду —
Я мало понял в них (там же, с. 19)

⁶ Разговор Блока и Пяста 3 апреля 1906 г. принадлежал к числу важных для обоих. Ср. в ответном письме Блока от 7 мая: «Мы хорошо поговорили с Вами в последний раз» (VIII, 154). Содержание разговора можно было бы частично реконструировать по тексту стихотворений Пяста, написанных в городе сразу после разговора. Однако стихотворения этих лет (в сборнике «Ограда») большей частью не датированы и расположены по разделам, а не в прямой хронологической последовательности; местонахождение же этих рукописей Пяста неизвестно.

⁷ В Германии написаны стихотворения «На пути», «Im englischen Garten».

⁸ О результатах государственных экзаменов Блок сообщает Пясту в ответном письме от 7 мая.

⁹ Ср. в том же ответном письме Блока от 7 мая 1906 г.: «Может быть, в следующий раз, во время разговора» так не вышло бы и многое бы затуманилось, потому я только внешне жалею, что мы не простились. В тот день, как и во многие другие, я, кажется, уходил «пить красное вино» (пишу в кавычках, потому что этот процесс стал для меня уже строгой формулой, из которой следуют многие теоретические выводы)» (VIII, 155).

¹⁰ В ответном письме Блока читаем: «Борис Николаевич <А. Белый>, кажется, в Мюнхене не будет» (VIII, 154).

3. БЛОК И А. А. КОНДРАТЬЕВ — ПЯСТУ

«Петербург. 24 октября 1906 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич! ¹

Мы с А. А. Кондратьевым ² пишем совместно и разными почерками (каждый своим) и просим Вас завтра в среду прийти ³ не на Лахтинскую к Блоку, а на Галерную (48, кв. 14) к Кондратьеву.

А. Б.

Пожалуйста, приходите, и со стихами.

Ал. Кондратьев.

Завтра условимся, когда Вы соберетесь ко мне.

Ваш Ал. Блок

24 окт<ября>

ГЛМ, ф. 8, № оф 4553/1.

Открытка. Дата имеется на почтовом штемпеле, однако последняя цифра года на штемпеле срезана и определяется по содержанию. Обращение к Пясту и первая приписка — рукой А. А. Кондратьева.

¹ Открытке предшествует письмо Блока от 7 мая 1906 г. — ответ на мюнхенское письмо Пяста (VIII, 154—155). Переписка прервалась из-за болезни Пяста.

² Александр Александрович Кондратьев — поэт, юрист, товарищ Блока по университету, активный участник «кружка молодых» (см.: Вл. П я с т. Встречи, с. 78—80). См. переписку Блока с Кондратьевым в наст. томе.

³ На заседание «кружка молодых» (см. предыдущие письма).

Владимиру Пясту —
зачесть нашей связи.

Александр Блок.

Май 1911.

СПб.

После разлуки, только лишь отдаленный друг,
но там, вдали отсюда, там душа остается.

справа:

Вл. Пясту.

1910.

Взгорело враньем вилы на крыльях,
Синий сердцем еще бегу,
Зачесть не скорою потерю,
Но сказать, навсегда — не могу.
Крыльцо у двери дождя заката,
Крыльцо минуте трезвоты дня —
Стоит на крыльце его свет, был восторг,
Но эту ночь не забуду мет.

В. Блок.

1899.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

СТИХИ

О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

(1898—1904)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МУСАГЕТЪ»
МОСКВА. МОСКИ

А. БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ. КН. I «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ». М., «МУСАГЕТ», 1911

С дарственной надписью Вл. Пясту от мая 1911 г.

Собрание Н. К. Фефиной, Москва

4. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 14 ноября 1906 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич! ¹

С удовольствием приду к Вам в субботу. А Люба — в концерте в этот день.

Любящий Вас Ал. Блок

14 ноября 1906

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1.

Текст приведен в кн.: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 343.

¹ Записке предшествует письмо Блока от 15 октября 1906 г. — сообщение о приезде в Петербург (VIII, 163—164).

5. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 27 ноября 1906 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич!

Отвечаю Вам, потому что не знаю отчества Гофмана ¹. Пожалуйста, извинитесь перед ним за меня и передайте, что никак не могу прийти ². На этой неделе скопилось много разных дел, а в воскресенье уже надо быть в Москве на юрии ³. Вчера передал Мейерхольду Ваше желание прочесть Электру ⁴ и адреса — Ваш и Лачинова ⁵.

Ваш Ал. Блок

27.XI.1906, СПб.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2.

Написано вскоре по возвращении Пяста из Мюнхена в Петербург и связано с возобновлением занятий литературного кружка. Публикуемой записке Блока предшествуют две — от 15 октября и 7 ноября 1906 г. (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 84 и 85), где намечались сроки возможного визита Пяста к Блокам.

¹ Модест Людвигович *Гофман* (1890—1959) — поэт, литературовед, член «кружка молодых», позже — составитель и основной автор «Книги о русских поэтах последнего десятилетия» (см. вступ. ст.).

² На собрание «кружка молодых».

³ Жюри конкурса литературных и живописных произведений «Дьявол», объявленного журн. «Золотое руно». Блок был членом жюри.

⁴ Речь идет об участии Пяста в чтениях на субботних встречах в театре В. Ф. Коммиссаржевской, организованных осенью 1906 г. В. Ф. Коммиссаржевской и В. Э. Мейерхольдом. О Пясте — теще на этих вечерах см.: К. Сю и н е р б е р г. «Воспоминания, гл. «В. Ф. Коммиссаржевская». — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1977». Л., «Наука», 1979, с. 134—135. Пяст хлопотет об организации чтения русского перевода «Электры» Г. Гофманстала (1874—1929), предпринятого Пястом и его другом Лачиновым (см. прим. 5) и подготовленного к исполнению в лицах членами «кружка молодых» (см.: Вл. П я с т. Встречи, с. 122). Чтение, видимо, не состоялось. В 1907 г. «Электра» была поставлена в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

⁵ Владимир Павлович *Лачинов* — драматический артист, поэт, переводчик, друг Вл. Пяста, знакомый Блока (см. ЗК, 412, 415, 436 — о послеоктябрьской встрече с Пястом и Лачиновым).

6. ПЯСТ — БЛОКУ

28/XI <1> 906

Дорогой Александр Александрович!

Большое спасибо за Мейерхольда¹ Жаль, хотя не очень, что не будете у Модеста Людвиговича² (кому я передал)³. Не очень, потому что у него будет чересчур много народу. Завтра заседание учредителей «Кружка молодых» (студентов, без литераторов)⁴. Уже чуются грозы и оскорбления «личности»⁵. Трудно сказать, пойдет ли дело на лад.

Мой привет Любви Дмитриевне.

Лидии Дмитриевне хуже: воспаление обоих легких⁶.

Любящий Вас и преданный Вам В. П е с т о в с к и й

Р. S. В сборник «К Вершинам!» посылаю⁷.

Ответ на п. 5.

¹ См. п. 5 и прим. 4 к нему.

² М. Л. Гофман (см. п. 5, прим. 1).

³ См. п. 5.

⁴ См. вступ. ст.

⁵ Речь идет как о нападках символистской части «кружка молодых» на «мэтров» символизма, так и о сразу наметившихся в кружке разногласиях «марксистов» и «декадентов» (см. вступ. ст.).

⁶ Лидия Дмитриевна *Зиновьева-Аннибал* (1872—1907) — писательница, жена Вяч. Иванова.

⁷ В 1900-х годах сборник «К вершинам» не выходил.

7. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 10 января 1907 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич.

Не придете ли ко мне 12-ого в пятницу?¹ Хочу прочесть «Незнакомку» (пьесу) Вам и еще кое-кому. Все эти дни и простужен, сижу дома, но надеюсь, скоро поправлюсь.

Любящий Вас Ал. Б л о к

10 янв<аря> 1907

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3.

Открытка.

¹ 13 января 1907 г. Блок писал матери: «Мама, вчера были Сологуб, Вячеслав (Иванов), Чулков, Пяст, Гофман, Кондратьев, Городецкий. Я прочел все стихи «Снежную маску» и «Незнакомку» и имел успех» (VIII, 173).

8. ПЯСТ — БЛОКУ

СПб. Ковенский 9, 24 14 <?> IX <1> 907.

Дорогой Александр Александрович!

Только что кончил я статью об Андрее Белом для Гофмана¹, как узнал, что Борис Николаевич² здесь. Мне очень захотелось, чтобы он выслушал из

Незнакомка.

Но ввсегда над ресторанами
Горит воздух дым и шум
И правды образами пыльным
Веселит и тешит дух.

Вдали, над пылью переулков,
Медь шумит запылившей дым,
Тут залегает предель бедной,
И раздаст дымный плач.

И каждый вечер за шпалерами,
Замыкаясь котлами,
Сидит каменщик у дачи
И стучит на остриях.

Над озерам скрывают убогость,
И радуются зыбкой вью.

И в ней — во всем призрачном —
Безымянная кривизна дым.

И каждый вечер друг с другом
Во мраморных стенах
И в легкой дымке и в пыли,
Как в, широк и ослепит.

А рядом у софитов фойе,
Вдали, сохнут туманы,
И вдали и вдали кривизна,
Та же веселит дым.

И каждый вечер, в том же месте,
(Может быть, скажет, нет?)
Вдали, вдали, вдали,
В туманной дымке, нет.

И медленнее, пройдя, медленнее,
Вдали, вдали, вдали,
Вдали, вдали, вдали,
Вдали, вдали, вдали.

БЛОК «НЕЗНАКОМКА»

Автограф, 1908 г.

Собрание А. А. Сотинова, Львов

нее некоторые места — только потому, что он, может быть, найдет их неподходящими для печати — и только для того, чтобы выкинуть их в таком случае³. Не можете ли Вы помочь нам увидеться?

Или, если это затруднительно и, что наверное, неудобно, не согласитесь ли Вы выслушать с этою же целью статью, — но уже всю целиком? Если это не разобьет Вашего времени⁴.

Преданный Вам В. Пестовский

¹ Т. е. для готовившейся под редакцией М. Гофмана «Книги о русских поэтах последнего десятилетия» (см. вступ. ст.).

² Андрей Белый.

³ В статье Вл. Пяста содержалась критика творчества А. Белого середины 1900-х годов (см. вступ. ст.).

⁴ Состоялось ли слушанье Блоком статьи Вл. Пяста или только обсуждение спорных мест, — неизвестно (ср. п. 9). Блок и Пяст часто читали друг другу свои только что написанные вещи, а Пяст, придавая большое значение «звучащему слову», любил читать вслух (например, на «средах» Вяч. Иванова) и чужие.

9. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 12 октября 1907 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич.

Сейчас мы сговорились с Бор^{исом} Николаевичем¹: в воскресенье в 5 часов дня оба будем ждать Вас. Можете ли в этот день? Если нет, напишите.

Ваш Ал. Блок

12.X.07. Галерная, 41, кв. 4

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 4.
Ответ на п. 8.

¹ С Андреем Белым.

И вступ. Звездам потрубили ³
 Ея утучил шлем,
 И шлем и траурный рубчик,
 И в конюшню узел руля.

И страшно близится заповедь
 Силою за темную врань.
 И вину Грота огоровадит
 И огоровадит дань.

Ихих тайн иль поручать,
 Иль что-то сожале влечет,
 И вст. души моей излучать
 Проклятое терпение.

И перд. страуса скомканнх
 И лесом качает мозгу.
 И ога синя, бездоннх
 Ист. тут на дань кем. Велю.

Их лесом дует лесом сожале,
 И кини влечет лесом иль.
 Их право, влечет лесом!
 И знаю: истина влечет.

Александр Блок

БЛОК «НЕЗНАКОМКА»

Автограф (окончание), 1908 г.

Собрание А. А. Сотникова, Львов

10. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 13.XII <19>08

Дорогой Владимир Алексеевич ¹.

Можно ждать Вас 18-ого в четверг в 8 час <ов> веч <ера>? Хочу прочитать «Песню Судьбы» ². Если бы Нонна Александровна ³ не побоялась длинного чтения, — мы очень будем рады. Приходите к нам, пожалуйста.

Ваш Ал. Блок

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 5.

¹ Написано в годы спада интенсивности переписки. После обмена записками в октябре 1907 г. Блок написал Пясту лишь один раз — 24 июля 1908 г. — о своем намерении встретиться с ним, до отъезда в Шахматово (VIII, 249).

² Ср. в письме Блока матери от 14.XII.1908: «18-го буду читать «Песню Судьбы», несколько человек у нас» (VIII, 268).

³ Нонна Александровна Пестовская (Омельянович) — жена Вл. Пяста (см. вступ. ст.).

11. БЛОК — Н. А. И В. А. ПЕСТОВСКИМ

«Петербург, 17 декабря 1908 г.»

Александр Александрович Блок очень жалеет, что не застал и просит Нонну Александровну и Владимира Алексеевича к себе (Галерная 41, кв. 4) завтра в четверг <1 прзбр.> в 9-м часу вечера, если они не боятся длинного чтения драмы «Песня Судьбы».

ГЛМ, ф. 8, № оф 4553/2

Карандашная приписка на визитной карточке Блока (слова: «Александр Александрович Блок» — печатный текст). В тексте дата неразборчива; датируется по содержанию как дублирующее письмо 9 и написанное накануне чтения «Песни Судьбы», состоявшегося 18.XII.1908 г. По-видимому, это — записка, оставленная Блоком в квартире Пястов.

12. БЛОК, ВС. МЕЙЕРХОЛЬД И Г. И. ЧУЛКОВ — ПЯСТУ

«Петербург, 25 ноября 1909 г.»

В пятницу 27 ноября в 8 ч. вечера в Малом Ярославце (Морская около Арки) назначен обед с Евг. «ением» Васильевичем Аничковым¹. Плата (9 рублей) должна быть внесена перед обедом А. А. Блоку.

Ал. Б л о к. Вс. М е й е р х о л ь д. Георг. Ч у л к о в

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 6.

Официальное приглашение, написанное Блоком, за подписью Блока, Вс. Мейерхольда и Георгия Чулкова.

Датируется по содержанию. Относится к периоду спада интенсивности контактов. Между письмами 10 и 11 Блок писал Вл. Пясту всего один раз — 20 августа 1909 г. из Шахматова, благодаря Пяста за присылку только что вышедшего сборника его стихов «Ограда» (см. VIII, 291—292).

¹ Вечер устраивался по случаю выхода Евг. Аничкова из Петропавловской крепости, где он провел 13 месяцев в одиночном заключении как один из организаторов «Всероссийского крестьянского союза». На банкете присутствовали Ал. Блок, Вс. Мейерхольд, Г. Чулков, Вяч. Иванов, Ю. Н. Верховский, В. А. Пяст, С. Городецкий, А. М. Ремизов, М. А. Кузмин, С. А. Ауслендер, К. А. Эрберг. 29 ноября 1909 г. Блок писал матери: «Лучшее, что было за эти дни, — обед, который мы устроили Аничкову. Хотя люди собрались не слишком подходящие, ссорящиеся и ссорившиеся, однако была минута очень трогательная. И притом по-настоящему» (VIII, 297—298).

13. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 25/I 1911

Дорогой Александр Александрович!

Пятый раз начинаю ответное письмо Вам¹. — Печально и пусто. Да, бродить хорошо, но маленький журнальчик не помешал бы нам чувствовать снежную пустыню, — и, быть может, он был бы оазисом в ней². Приду к Вам в среду или четверг не уговаривать, а посоветовать и жаловаться на мудрых магов.

Ваш В. П е с т о в с к и й

¹ Письму Пяста предшествовало блоковское от 23.I.1911 г. (VIII, 327—328). Этими письмами начинается переписка эпохи «второго знакомства» (см. вступ. ст.). Новый период сближения начался с ноября 1910 г. За первым визитом Пяста к Блоку последовал второй, связанный с обсуждением идеи создания нового символистского журнала (см. вступ. ст.).

² Обдумав вопрос о журнале и обменявшись по этому поводу письмами с Вяч. Ивановым (ср. VIII, 327—328), Блок в письме Пясту от 23 января 1911 г. отказывается принять участие в подготовке журнала. Письмо Пяста — ответ на блоковское. Письмо от 23.I.1911 г. Блок заканчивает предложением не предаваться журнальной «суете», а «опять жить, тихо гуляя по беспросветной и белоснежной стуже» (VIII, 328). Как видно из письма Пяста, он внутренне не соглашается с Блоком.

14. ПЯСТ — БЛОКУ

6/II 1911

Дорогой Александр Александрович!

Во мне нет журнала¹. «Нашего» журнала нет. «Он мог бы быть».

Прощай. Ты для меня холодный, мертвый камень.

Твой образ мне постыл. Он чужд мне навсегда.

Ты так была нежна. Но властная беда

Простерлась над тобой, задув твой тихий пламень².

Когда меня выгонят со службы, буду затевать свой журнал, Вас в редакцию впутывать не буду.

Да и «момент» пропущен: все заинтересовались «Современником» и не нашему тоненькому лягушонку тягаться с этим белым волом³. Буренин затеял ряд симпатичнейших фельетонов. Без шуток: взгляните «Н^овое» В^{ре}мя» пятницу 4-го⁴.

Следовательно: если Вас и Любовь Дмитриевну сколько-нибудь затрудняет подать заявление⁵, можете со спокойной совестью отложить эту процедуру на сколько угодно времени, по крайней мере до свидания со мной. Если в Вас журнала также нет, подавать заявление *незачем*.

Сегодня дочитал *Education Sentimentale*⁶ с болью в сердце, что кончилось. Да, «Красная Комната»⁷ доставит Вам меньше наслаждения, чем мне «Сентиментальное» Воспитание». Спасибо Вам большое. Сколько времени пролежало оно перед диваном, пока свободное время и лень не натолкнули меня взять его в руки. Так простолудин, получивший иностранные деньги, долгое время с презрением смотрит на вещицы, употребление коих ему непонятно. Зато, когда случай укажет ему на их значение! . .

Пишу для «*Gaudeamus*» третью из своих критических статей о поэтах последнего посева⁸.

Ваш. П.

¹ Продолжение дискуссии о символистском журнале. Ответ на письмо Блока от 6.II.1911 г. с просьбой отложить решительный разговор на эту тему (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 88). Первая фраза письма — перефразировка слов Блока из письма от 23.I.1911 г. «Все эти дни я искал в себе» журнала — и не нашел ни следа» (VIII, 327).

² Источник цитаты не обнаружен.

³ Журнал «Современник», начавший выходить в 1911 г. под редакцией писателя, фельетониста и публициста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862—1938), несмотря на нечеткость его общественно-политической программы, и названием и направлением ориентировался на революционно-демократическую «шестидесятническую» традицию. С этой ориентацией связан, в частности, и жанр «толстого» журнала, включающего обильный политический и общественно-публицистический материал. Блок в период духовного подъема 1907—1908 гг. (создания статей о народе и интеллигенции) «очень мечтает о большом «т. е. «толстом» журнале с широкой общественной программой, «внутренними обозрениями» и т. д. (письмо В. И. Стражеву от 14 сентября 1908 г. — VIII, 253). Между тем, задуманный Е. Аничковым и Пястом символистский журнал столь же значимо мыслился как тонкий: «Нумера (маленькие — листа 3)» (Письмо Андрею Белому от 17 января 1911 г. — VIII, 327). Отсюда — ироническое обыгрывание Пястом крыловских образов лягушки и вола.

⁴ Журнал «Современник» обратился к старому критику М. Антоновичу, сотруднику «Современника» 1860-х годов, с просьбой войти в число сотрудников. М. Антонович ответил согласием «по мере своих старческих сил помогать» журналу «своим участием», если «Современник» будет верен «основным стремлениям Старого «Современника». В письме Антоновича содержались резкие выпады против современной литературы, ее «мрачного мистицизма, туманной супранатуралистической философии» и т. д. В. Буренин, перепечатавшая «Иеремиаду» Антоновича, преследовал одновременно несколько целей: напоминание читателям о «тупой и нелепой, бурсацкой критике М. Антоновича (и шестидесятников вообще), дискредитацию нового «Современника» — журнала демократической ориентации — как издания якобы устаревшего, эпитетского, и критику «нового искусства» (См.: В. Буренин. Критические очерки. — «Новое время», 1911, 4 (17) февраля, № 12536, с. 4).

⁵ О разрешении журнала, ответственным редактором-издателем которого должна была стать Л. Д. Блок (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 87; е г о ж е. Встречи, с. 183).

⁶ О значении образов и проблематики романа Флобера «Сентиментальное воспитание» для Блока и Пяста 1910-х годов см. вступ. ст.

⁷ Роман Авг. Стриндберга (см. вступ. ст.). По всей вероятности, речь идет об издании: А. Стриндберг. Полн. собр. соч. в 15 томах, т. 5. М., изд-во «Современные проблемы», 1909.

⁸ В сугубенском «литературно-художественном журнале» «*Gaudeamus*» (СПб., 1911) были опубликованы лишь две статьи Вл. Пяста: «По поводу последней поэзии» (№ 4, с. 8—10 и № 5, с. 8—11) и «Государственный переворот» (№ 9, с. 8—9 и № 10, с. 8—11). Таким образом, «третьей статьей» Пяст называет либо «Государственный переворот» (считая второй статьей окончание первой), либо какую-то статью, не опубликованную в «*Gaudeamus*» в связи с его закрытием (после № 11 издание журнала было приостановлено «вследствие индифферентного отношения молодежи к вопросам чистого искусства» — № 11, с. 1).

15. ПЯСТ — БЛОКУ¹

15/II <1>911

Дорогой, дорогой Александр Александрович!

Больного я больше не посещаю, а потому, в сущности, никакой опасности нет¹. На службу не хожу, а, так сказать, поддерживаю карантин. Если у Вас есть в квартире мальчик², лучше Вы придите ко мне, в среду, или четверг;

это все равно; если в какой-нибудь вечер мне понадобится уйти, я передам Вам по телефону.

Очень бы хотелось увидеться с Вами. У меня это общение с Вами превратилось в какую-то потребность ⁴.

Может быть, Вы придете завтра часов в 12 в Эрмитаж? В это время я буду. ... ну, хоть у Рембрандта. Со мною будет Б. Мосолов ⁵ с каталогами и кладезем познаний.

Во всяком случае, вечером в среду и в четверг буду ждать Вас. Может быть, Вы захватите поэму ⁶ или старые стихи?

Любящий Вас ВП.

¹ Ответ на письмо Блока от 14.II.1911 г. с просьбой позвонить ему (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 88).

² Речь идет о болезни сына Вл. Пяста. Пяст жил в эти дни отдельно от жены, у матери.

³ Видимо, ребенок прислуги Блоков (ср. VII, 70).

⁴ Ср. VIII, 339, а также вступ. ст.

⁵ Борис Сергеевич Мосолов (1886—1942) — приятель юности Пяста, знакомый Блока по «кружку молодых», искусствовед, в 1910-х годах — секретарь редакции журн. «Старые годы».

⁶ «Возмездие» (ср. записи о работе над поэмой в феврале 1912 г. — VII, 129 и др.).

16. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург» 17 февраля «1911 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич.

Собираемся к Вам сегодня. Но опять выбит из колеи разными событиями ¹. И поэма ² остановилась.

Любящий Вас А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 7.

Текст приведен в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 345.

¹ Ср. в письме матери от 14/II.1911 о попытке разойтись с Л. Д. Блок (VIII, 329—330), а также заметки в записной книжке от февраля и весны 1911 г. (ЗК, 176—178 и след.).

² «Возмездие».

17. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 26/V «1911

Милый Александр Александрович.

Только вчера хотел оповестить Вас, как я выговорил себе уже отпуск с 14-го июля и уже собирался в путь с Вами ¹, как вдруг с понедельника заболел, представьте себе, свинкой ², которую испытал ровно 7 лет назад. Очевидно, в организме за семь лет не осталось ни одного прежнего иммунированного атома, и тайна ученых, заимствованная ими из оккультных знаний, есть истина. Интересно, что почувствовал я свинку у себя впервые перед самым отправлением к Вячеславу Иванову; все-таки пошел, а на следующий день опухоль уже усилилась. Совпадение удивительное, так как при свинке опухоль появляется через три недели после заболевания, а вышло так, что едва я переступил порог зараженного дома ³, как заболел. Думаю, не от Верховского ли в Сестрорецке ⁴ воспринял яд, хотя и это все-таки слишком поздно; заразился я около 2-го—3-го мая по расчету. Вследствие же этой свинки и вынужденного трехнедельного манкирования на службе, предвижу затруднения в получении отпуска впоследствии. За то, как она не сильная и прекратится, предчувствую, дней через пять, у меня, действительно, может образоваться свободное время до конца карантина, который последует не ранее 13 июня.

И если Вы и у Вас не боятся, я бы мог, пожалуй, приехать к Вам на несколько дней (не более 3-х) до того времени ⁵. Но прежде, чем назначить день, мне, конечно, надо получить от Вас ответ, удобно ли мне приезжать к Вам до конца карантина. «На один день, конечно, не стоит, ну а на два. . . Очень хотите, так на три. . . — слышу ответ Ваш. — «Да я и сам, Александр Александрович, дольше никак не могу, у меня по-прежнему скачки ⁶; не знаю даже,

смогу ли приехать и вообще-то, хоть и очень бы хотелось взглянуть на Ваши места». — «Взглянуть — взгляните, но только долго не засиживайтесь». — «Господь с Вами, и не думаю». — «Знаем мы Вас». Такой разговор, конечно, ведут в настоящее время наши души⁷.

Читаю все Амфитеатрова⁸, романы, предшествовавшие современниковскому⁹ и не могу оторваться даже для дел. Чувствую, что скоро найду прелесть и в Вербицкой¹⁰. Вот Вячеслав¹¹ недавно сказал, что надо не только кормить и поить свое низшее Я, но и занять его чем-нибудь; усиленно исполняя его предначертанья. Женщины у Амфитеатрова от первой до последней красавицы, и каждая по другому; мужчины — самый захудалый вырабатывает тысячу десять в год да и то на такого Амфитеатров и смотреть не хочет. Себя вывел, кажется, благороднейшим Альбатросовым¹².

В случае получения благоприятного ответа от Вас, дам свой решительный ответ тотчас же

Ваш В. Пестовский

¹ См. п. 18, прим. 3.

² Диагноз оказался ложным (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 54).

³ Речь идет о болезни детей Вяч. Иванова.

⁴ В мае 1911 г. Вл. Пяст, А. Блок и Ю. Верховский ездили на прогулку в Сестрорецк (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 54, а также: Вл. Пяст. Львиная пасть. Вторая книга лирики. Берлин — Пб. — М., изд. 3. И. Гржебина, 1922, с. 33).

⁵ Ответ на письмо Блока от 24.V.1911 г. с приглашением в Шахматово (см. VIII, 337—338).

Приезд Пяста в Шахматово не состоялся, так как мать Блока испугалась инфекции (см. VIII, 339).

⁶ Вл. Пяст, живший в Удельной поблизости от ипподрома, играл на скачках.

⁷ В ответном письме от 29 мая 1911 г. Блок писал: «Не думайте, что наши души вели такой разговор, как Вы описываете. Я <...> звал Вас даже эгоистически» (VIII, 339).

⁸ А. В. Амфитеатров (см. о нем п. 14, прим. 4) в сознании Блока был — типичным представителем «массовой», мещанской литературы, вульгарной «желтой» прессы (ср. позднейшую характеристику — VIII, 521), в «ложно-русском стиле» (ср. VIII, 524 и др.). В письме от 6 июня 1911 г. Блок делает Пясту «маленькое предостережение» (VIII, 345): «Зная по себе увлекательность Амфитеатрова (т. е. ему подобных), дружески советую не злоупотреблять им. Такие вещи не всегда проходят безнаказанно: можно совершенно незаметным образом испортить <...> часть души» (VIII, 346).

⁹ В «Современнике» в 1911 г. (№№ 1—3, 7—12) публиковался роман А. В. Амфитеатрова «Закат старого века», посвященный А. М. Пешкову — «великой русской душе, неугасимому пламенику верующей воли, неутомимой творческой силе». Этому, «современниковскому», роману предшествовали: часть III хроники «Концы и начала»; часть I хроники — роман «Восьмидесятники» (т. I. СПб., 1907, т. II. СПб., 1908); часть II — «Девятидесятники» (ч. 1, изд. 2. СПб., «Прометей», 1911; ч. 2, изд. 2. СПб., 1913).

¹⁰ Анастасия Алексеевна Вербицкая (1861—1928) — писательница. В позднейшей статье «Дневник женщины, которую никто не любил» (1912—1918) Блок назвал Вербицкую и Арцыбашева «идолами» мещанской литературы 1910-х годов.

¹¹ Вяч. Иванов.

¹² Альбатросов — герой хроники Амфитеатрова «Флавян Константинович Альбатросов, крупный московский журналист, сотрудник больших газет» (А. Амфитеатров. Закат старого века. — «Современник», 1911, № 12).

18. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 2 июня 1911

Милый Александр Александрович.

Вчера получил Ваше письмо¹. Вышел было на улицу — да занемог, и стыдно стало, вернулся домой. Хоть опухоль и спала, да не совсем-то прошла, и, очевидно, болезнь-то еще продлится. Вдобавок получил неприятные известия о болезни сына², который, будто бы, переносит ее со стоическим хладнокровием, но требует денег на лечение. Эти все обстоятельства не позволяют мечтать о «продлении карантина» поездкою к Вам, и все более заставляют сумлеваться в июльской прогулке к Стриндбергу³. Кстати, я так уж отвык от него, что чувствовал бы себя у него без Вас, как без рук⁴. Взамен этого, я всосался в Амфитеатрова как пьявка, и высосал от него чуть не весь обычный багаж мыслишек его, ибо часто натыкаюсь [на] уже на повторения. Хотя этого (Амфитеатровского) наслаждения мне предстоит еще много томов. Кланяются Вам Мейерхольд⁵, Василий Гишпиус⁶.

Двигал всю неделю болезни своего Тирсо⁷ и еще одну полусочинительскую работу того же духа, но в конце концов Амфитеатров с газетами взяли верх, и я уже окончательно разлеился. А между тем чувствую свой публицистический долг. Должен я написать несколько заметок в газеты: о трамваях, о съеденном действительными статскими советниками одного учреждения обеде, который предназначался для рабочих, и о скушанной директорами некоего частного предприятия «Гантьеме», долженствовавшей по уставу перейти в руки служащих. Да начать все не могу собраться с силой⁸. И до того вообще обленился, что даже справиться у Кожебаткина о статье «Стихи о Прекрасной Даме» нахожу для себя затруднительным⁹. Вот Вы едете в Москву, не узнаете ли, как обстоит с ней дело. Если там не печатают ее, Вы бы ее выпарапали, а я, за небольшими изменениями, помещу ее, что ли, в Аполлон¹⁰, или в известия Вольфа¹¹.

Вчера навесил меня Мейерхольд. Затеяли мы с ним поездку башенного театра в Нийслот и Пункахарью¹²; было бы отлично, если бы удалась она, но, кажется, Ивановы уезжают на Волгу, и проект, подобно большинству русских законопроектов, будет положен на неопределенное время под сукно.

Итак, в силу вышеприведенных мотивов, законопроект о посещении неким должностным лицом имения со столь приятным слуху этого лица именем — подлежит утверждению лишь в будущую сессию¹³. Засим, в ожидании скорого свидания в столичном граде, передаю со своей стороны поцелуй и [не] умеющему жить действительному статскому советнику¹⁴. Я ведь и говорю, что Верховский «не дремал»: пока мы разговаривали, он, как истинная с<винь>я родил у Вашего покорного слуги свинку¹⁵.

Ваш В. П.

¹ От 29 мая 1911 г. из Шахматова (VIII, 339—341).

² См. п. 15, прим. 2.

³ Предполагавшаяся поездка Блока и Пяста в Стокгольм летом 1911 г. — дань находжению обоих поэтов «под знаком Стриндберга» — не состоялась.

⁴ Фраза свидетельствует, что спад интереса к Стриндбергу у Пяста (в отличие от Блока) наступил довольно скоро и что уже с лета 1911 г. интерес этот поддерживался в основном Блоком, для которого «стриндберговский» период только начинался (ср. письмо Блока от 29 мая 1911 г. — VIII, 339, а также вступ. ст.).

⁵ В 1910-х годах Пяст поддерживал (в основном, через «башню» В. Иванова) с Вс. Мейерхольдом гораздо более близкие отношения, чем Блок.

⁶ Василий Васильевич Гиппиус (1890—1942) — поэт (писал под псевдонимом Василий Галахов) и литературовед, брат близкого Блоку Александра, а также Владимира Гиппиусов; младший приятель Блока 1910-х годов («Вася Гиппиус»).

⁷ Сделанный Пястом в начале 1910-х годов перевод комедии Тирсо де Молина «Дон Хиль зеленые штаны», как и два позднейших его перевода из испанского драматурга, опубликованы только в советское время (см.: Тирсо де Молина. Театр. М.—Л., «Academia», 1935). «Дон Хиль...» опубликован также: Берлин, «Петрополис», 1923 (пер. Вл. Пяста под ред. Б. А. Кржевского и М. Л. Лозинского).

⁸ Ср. ответное письмо Блока от 6 июня 1911 г. (VIII, 345—346), переводящее вопрос о «публицистических долгах» Пяста в план принципиальных размышлений о России и долге интеллигента перед народом (см. вступ. ст.).

⁹ Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942) — владелец издательства «Мусагет», издатель «Собрания стихотворений» Ал. Блока (1911—1912). Статья Вл. Пяста, написанная после выхода первого тома «Собрания стихотворений» и впервые введенная в научный оборот понятие «тома» блоковской лирики как самостоятельного художественного целого, не была напечатана в изданиях «Мусагета» (см. прим. 10).

¹⁰ Статья Пяста появилась в журн. «Аполлон», 1911, № 8. Позже перепечатана в сб. «Памяти Ал. Блока» (Пб., «Картонный домик», 1921).

¹¹ Вл. Пяст был связан с издательством М. О. Вольфа в Петербурге. В «Известиях книжного магазина Вольфа» была уже до этого напечатана его статья об Ал. Ремизове «Стилист-рассказчик» («Известия...», 1910, № 3, с. 82—84); в издательстве Товарищества М. О. Вольфа вышла и «первая книга стихов» Пяста «Ограда» (1909).

¹² В «Башенном театре» на квартире Вяч. Иванова весной 1910 г. приглашенный для режиссуры Вс. Мейерхольд поставил «Поклонение кресту» Кальдерона. Задуманы были и другие постановки, а также летние гастроли в Финляндии. Последняя идея отчасти осуществилась летом 1912 г., когда был создан Териокский театр.

¹³ Ироническое пародирование стиля официальных документов — косвенное отражение интереса Пяста к газете, миру политики, чуждым Блоку 1910-х годов (ср. в этой связи близкое по стилю позднейшее пародийное вкрапление в статью Блока «Интеллигенция и революция» — 1918, VI, 14).

¹⁴ Ср. в одном из предшествующих (от 29.V.1911 г.) писем Блока: «В Сестрорецком курорте <...> и Вы и я наговорили друг другу вещей неправдоподобных; вспоминаю, именно, разговор о *savoir vivre*; у меня его, право, недостаточно, надо бы побольше; так же, как Вы в упорном полусне утверждали мой *savoir vivre*, я упорно утверждал Вам, что я состарился и намекал, что жизнь кончена <...> можно легко представить себе картину: Вы идете за гробом почтенного действительного статского советника, который умел покушать и пожуировать и вообще взял от жизни все, что мог, полной мерой. Это вовсе не!» — отвечает действительности, уверяю Вас» (VIII, 340—341).

¹⁵ Ср. в том же письме Блока: «Мы с Вами в Сестрорецком курорте <...> бодрствовали, пока Верховский спал под сосной» (VIII, 340). Юрий Никандрович *Верховский* — поэт, приятель Блока.

19. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 9 июня 1911

Дорогой Александр Александрович.

Радуюсь за Вас душой, что тихое влияние деревни очистило и умиротворило Вас ¹. И совет и предостережение ² мне доказывают это, так как их может дать лишь человек, *перегоревший* в уединении. В письме буду краток, так как надеюсь скоро видеть Вас лично.

Поправляюсь медленно. Выйду как следует лишь в воскресенье.

Ваша правда, и деревня мне нужна, и серьезная книга (неспециальная) у меня в руках не залеживалась уже лет шесть. Бог даст, то и другое будет.

Амфитеатров, прежде всего, бурсак (т. е. вернее, не прежде всего, а между прочим). Затем — великий человек на малые дела. За Амфитеатровым в мой мозг полез Боборыкин ³. Противоядием же мне пока служит Вилье де Лиль Адан ⁴, да одно исследование о романах круглого стола ⁵. За Карлейлем ⁶ пошлю брата.

Целовать не могу, так как карантин не кончился.

Ваш В. Пестовский

¹ Ответ на письмо Блока от 6 июня 1911 г. (VIII, 345—347). Ср. в указанном письме Блока: «Я бродил по лесам и полям» (VIII, 345), а также в более ранних: от 24 мая («тишина и благоухание» — VIII, 337) и от 29 мая 1911 г. («Я целый день бродил по холмам и долинам» начинаю отдыхать от зимы» — VIII, 340).

² В письме от 6 июня содержится «один большой совет» (о способах выполнения Пястом «публицистических долгов» — см. п. 18, прим. 8 и «одно маленькое предостережение» (см. п. 17, прим. 8).

³ Петр Дмитриевич *Боборыкин* (1836—1921) — писатель-натуралист. Ассоциативная связь «Амфитеатров — Боборыкин» определена тем, что для Пяста (как и для Блока) оба они — представители «массовой» литературы, создатели «чтива», бытописатели — «хроникеры».

⁴ *Жан-Мари Вилье де Лиль Адан* (1838—1889) — французский писатель, близкий к символизму. Привлек внимание Блока еще летом 1902 г. в связи с работой над статьей о русской поэзии (см. ЗК, 28). Влияние поэтики и образной системы Вилье де Лиль Адана отразилось в ряде статей Пяста 1910-х годов (см. вступ. ст.).

⁵ Название работы не установлено.

⁶ Творчество Томаса *Карлейля* (1795—1881), известного английского писателя и философа, было названо в упоминавшемся письме Блока от 6 июня «противоядием» от «Амфитеатровых и К^о»: «Это не менее легко, не менее увлекательно и вместе с тем невыразимо очищает душу: «История французской революции» Карлейля» (VIII, 347). Блок не раз упоминал имя Карлейля в своей публицистике (см. V, 482, 489; VI, 9, 299, 425). Эпизод с чтением Пястом Карлейля ярко свидетельствует о ненавязчивом, но постоянном «учительстве» Блока 1910-х годов (в отличие от отношений Блока и Пяста в 1900-х годах (см. вступ. ст.).

20. БЛОК — ПЯСТУ

«Шахматово», 29 июня (1911 г.)

Милый Владимир Алексеевич.

Здоровы ли Вы и можно ли к Вам на днях? Сегодня еду в Петербург, а через несколько дней — прямо в Бретань, без заездов ¹.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15. Приведено в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 345.

¹ Блок вернулся в Петербург 30 июня 1911 г., уехал за границу 5 июля 1911.

14 Литературное наследство, т. 92, кн. 2

НОВЫЕ ПОЭТЫ ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ.

III.

Гр. 3/8

Надъ озеромъ скрипѣтъ уключины
И раздается женскій визгъ,
А съ неба — ко всему приученный
Безмысленно глядится дѣска...

(А. Блокъ.)

НАДЪ ОЗЕРОМЪ.

«НАД ОЗЕРОМЪ». ИЗ ШАРЖЕЙ ТОМА МОУЗЕРА «НОВЫЕ ПОЭТЫ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХЪ».
«БУДИЛЬНИКЪ», 1908, № 30
Литературный музей, Москва

21. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 24 октября 1911 г.»¹

Милый Владимир Алексеевич

Вчера было интересное редакционное собрание Тропинки², а сегодня у меня разболелись десны и лучше помолчать, так что я не иду к Вам³.

Ваш А. Б.

24 октября

ИРЛИ, ф. 567, ед. хр. 9.

¹ Летом 1911 г. из Бретани Блок писал Пясту дважды (3 и 23.VII — см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 95 и 96; первое из этих писем в сокращении — VIII, 349—350). Ответы Пяста неизвестны.

² «Тропинка» — детский журнал символистской ориентации; мать Блока участвовала в журнале; ср. дневниковую запись от 23 октября 1911 г.: «Вечером заходил к маме: редакционное собрание «Тропинки» — деловое, славное» (VII, 76).

³ Ср. дневниковую запись от 23.X.1911 (VII, 77).

22. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург, 10 декабря 1911 г.»

Милостивый Государь, 10 декабря сего года в ресторане «Весна» Вы избраны королем русских поэтов¹.

Каждый был безумно
строг

Как? писал — король
наш Блок...

⁴ См. прим. 1. В книге Вл. Пяста ошибочно записано как двустилие.

⁵ Авторство устанавливается по почерку.

⁶ Авторство устанавливается по почерку.

23. БЛОК — ПЯСТУ¹;

«Петербург», 8 января 1912

Милый Владимир Алексеевич.

Хотите прийти завтра вечером к нам? Будут Евгений Павлович², и, верно, Верховский³.

Я к вам не дозволился, все — занято.

Ваш А. Б.

ИРЛИ, ф. 567, ед. хр. 9.

¹ Между п. 21 и п. 23 Блок написал Вл. Пясту еще одну записку — от 27.XI.1911 (см. VIII, 379).

² Е. П. Иванов.

См. п. 18, прим. 15.

24. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург» 23/1 «1»912

Дорогой Александр Александрович!

Что с Вами? Когда больной настолько оправится, что посещения ему не будут неприятны¹?

Сегодня, с горя, уйдя от Вашей двери, исполнил половину Вашей программы: поехал на Приморский вокзал²; но вина не пил, и никуда оттуда не уехал.

У меня большие перемены³. Видимо, и у Вас? Но какая же болезнь? Милый Александр Александрович, как полегче станет, черкните мне!

Весь Ваш В. Пестовский

ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 412.

¹ 23 января 1912 г., как и в предыдущие и последующие дни, Блок плохо себя чувствовал и был в тяжелом настроении, однако работал дома: «Письма и переписка предисловия к дневнику Соколовой. Вечером приходил Пяст. Таня сказала ему, что я болен» (VII, 126). В этот же день Блок сообщил Пясту о своей болезни (см.: Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 97—98).

² Ответная реплика на записку Блока от 27 ноября 1911 г. из ресторана Приморского вокзала (см. VIII, 379).

³ Речь идет о коллизиях семейной жизни Вл. Пяста (см. вступ. ст.) и Блока (см. VII, 120—126 и след.).

25. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург» 15 февр «аля» «1»912

Милый Александр Александрович.

Жду со дня на день обещанного извещения о здоровье Вашем — все нет и нет¹. Видел во сне Вас, а за две недели до сегодня видел Вас во сне Андрей Белый. Очень кланяется, целует он Вас². Пошел я на службу к Евгению Павловичу узнать о Вас³. Утешает, говорит, когда во сне видят, значит, письмо идет.

Адрес мой Виленский пер., д. 3, кв. 18⁴.

Ваш В. Пестовский

Весь конец января—начало февраля 1912 г. Блок почти никого не принимал и мало отвечал на письма (ср. запись от 4.II.1912: «Однообразие, апатия, забыл, что есть люди на свете» — VII, 129). Пяст был принят Блоком уже после получения этого (второго после начала болезни Блока) письма (между 15 и 24 февраля).

² Андрей Белый с женой приехал в Петербург в начале 20-х чисел января 1912 г. и сразу же оповестил Блока о приезде (Блок получил его письмо 21 января — см. VII, 126). Блок отказался и его принять из-за болезни и тяжелой апатии (см. письма от 21 и 25 января — VIII, 383). 30 января Блок записал в дневнике: «Сегодня, вероятно, уехал

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

Гравюра

Литературный музей, Москва

Борей» (VII, 128). Однако Белый не уехал, и 26 февраля Блок «весь день провел с Борей» (VII, 129).

² Евгений Павлович *Иванов* («Женя», 1879—1942), ближайший друг Блока, единственный из знакомых, бывавший у него дома в конце января—начале февраля 1912 г. (ср. записи от 25 января — VII, 126—127, и от 26 февраля — VII, 129).

⁴ Вл. Пяст сообщает Блоку адрес, по которому он жил во время развода с женой.

26. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 1 апреля 1912 г.»

Милый В<ладимир> А<лексеевич>, сегодня не могу прийти, жду Руманова¹. Думаю прийти скоро.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 9.

Открытка. Дата — по почтовому штемпелю.

Приведено в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 347.

¹ Ср. дневниковую запись от 1 апреля: «А. В. Руманов — совершенно растерзанный, с переменами в жизни; все очень хорошо» (VII, 138).

27. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 6 апреля 1912 г.»

Милый В<ладимир> А<лексеевич>.

Опять не пришел я: засиделся с А. М. Ремизовым¹, а сейчас пришел Е. П. Иванов². Поговорим по телефону опять.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 10.

Дата — по почтовому штемпелю.

Приведено в каталоге: «Александр Блок. Переписка», с. 347. (см. п. 26).

¹ Ср. дневниковую запись от 6 апреля: «В 5 ч. дня приехали Терещенко с Ремизовыми в автомобиле, ездили на Стрелку, потом Алексей Михайлович (Ремизов. — З. М.) обедал, вечером пришел Жея (Евг. Иванов. — З. М.), с которым мы говорили» (VII, 139).

² См. п. 25, прим. 3.

28. ПЯСТ — БЛОКУ

«Стокгольм, 30 апреля 1912 г.»

Милый Александр Александрович.

Стою в Continental-hôtel¹. Пробуду здесь 1-ое мая². Броня непроницаема³, — борюсь мужественно. Привет.

Ваш В. Пестовский

Открытка, на обороте — портрет А. Стриндберга с подписью: «Rich«ard» Bergh: Aug«ust» Strindberg». Датируется по почт. штемпелю (дата — по н. ст.).

¹ Написано после длительного перерыва в переписке (отчасти объясняющегося частыми зимними встречами и телефонными разговорами). В апреле 1912 г., в связи с известиями о тяжелом состоянии здоровья Стриндберга, Блок и Пяст, видимо, вновь обсуждали план поездки в Стокгольм. Однако сам Блок в коротком письме Пясту от 13 апреля (первом после 23 января 1912 г.) от поездки отказывается: «Совсем не могу сейчас ехать, нет никакого чувства» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 98), хотя много думает о судьбе и творчестве Стриндберга именно в эти дни (ср. письмо Андрею Белому от 16 апреля, характерно сочетающее упоминания о Стриндберге и Пясте — VIII, 387). Пяст же по рекомендации Блока и через их общего знакомого А. В. Руманова едет в Стокгольм как корреспондент газеты «Русское слово». Блок писал Пясту и 14 апреля (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 99). Письмо Пяста написано из гостиницы.

² Впечатления от первомайской демонстрации в Стокгольме, переданные Пястом Блоку, косвенно отразились в статье «Памяти Августа Стриндберга».

³ Речь идет о запрете впускать посетителей к умирающему Стриндбергу; «Никого ни в каком случае не видеть — такова воля Стриндберга» (Вл. Пяст. Встречи, с. 225).

29. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург» 22 апреля/5 мая 1912 г.

Милый Владимир Алексеевич.

Телеграмма¹ вчера вечером не застала меня, я читал в концерте вместе с Вами²; по крайней мере, в афише стояло: «Вл. Пяст прочтет «До сих пор». Но вместо Вас читал Василий Гиппиус — экспромтом. Они с Мандельштамом узнали от меня, что Вас нет, и очень искренно и хорошо встревожились, но тайны я им не открыл³, а только сказал, что все благополучно.

Сейчас говорил с Румановым⁴ по телефону, он тоже получил телеграмму и высылает деньги завтра утром (сегодня воскресенье — телеграфного перевода сделать нельзя).

Я совсем простужен, охрип. Печально, дождь идет, а вчера — снег. Если будет что, напишите.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 11—12.

¹ Текст телеграммы в архиве Блока не сохранился. Содержание ее — просьба срочно выслать гонорар за будущую корреспонденцию, т. к. Вл. Пяст остался в Стокгольме без денег (см.: Вл. Пяст. Встречи, с. 229).

² Ирония (т. е. «должен был читать»: несостоявшееся выступление Пяста организовывал Блок. См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 99).

³ Т. е. «тайны» отъезда Пяста в Стокгольм.

⁴ Аркадий Вениаминович Руманов (1876—1960) — журналист, в 1910-х годах — петербургский представитель газ. «Русское слово».

30. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 26 апреля 1912

Милый Владимир Алексеевич.

Я не телеграфирую, потому что телеграфирует Руманов. Сегодня утром я с ним говорил, он послал 30 рублей и обещал дослать остальное. «Рус-

Андрею Белому
Знаешь прекраснейшую звезду
Александр Блок

Мая 1911.
С. Б.

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

СТИХИ

ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(1898—1904)

МУСАГЕТЪ

А. БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ. КН. I. «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ». М., «МУСАГЕТ», 1911

С дарственной надписью А. Белому от мая 1911 г.
 Литературный музей, Москва

«ское» Слово», по его словам (он путается, хотя очень хвалит и фельетон, и язык его и простоту), не пожелало брать все 700 строк, многое выбросило, сократило до 250-ти и не печатает, потому что поставлено условие (кем? Вами? Руманов не знает) — печатать без сокращений¹. Я убеждал Руманова послать еще денег и говорил ему, что Вы еще напишете. . .

Ничего не поделаешь, с «Р^усским» Сл^овом» у всех так; мне кажется, там никто из редакторов ничего не понимает, но всегда считает долгом чего-то бояться.

Ну, целую Вас, до скорого свиданья?

Ваш А. Б.

26 апреля

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 13—14.

Опубликовано в «Звезде» (1931, № 10, с. 127—128, без даты, с неточностями).

¹ Корреспонденция Вл. Пяста в «Русском слове» опубликована не была (см.: Вл. Пяст. Встречи, с. 229).

31. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 31 мая 1912

Милый В^ладимир А^лексеевич.

Сейчас¹ получил я письмо, что в Териоках репетиции не ладятся², но все-таки открытие будет в воскресенье 3-его (а не 2-ого)³.

Очень было вчера хорошо⁴.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 15.

¹ Между 26 апреля и наст. письмом Блок писал Пясту 29 мая 1912 г. (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 99—100).

² Летом 1912 г. «Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов» во главе с Вс. Мейерхольдом организовало театр в Териоках (см. п. 18, прим. 12).

³ Открытие театра состоялось не 3 июля, а 9-го. Записывая впечатления этого вечера, Блок замечает о своем пребывании в Териоках: «Вся поездка была тяжела, почти все

люди, кроме Пяста, были более или менее подозрительны ко мне» (VII, 149), что, видимо связано с отрицательным отношением Блока к модернистским пристрастиям Мейерхольда (ср. VIII, 392 и др.).

⁴ Ср. в дневнике: «Мы все гуляли в Петергофе — хорошо. Мы с Пястом приехали по железной дороге, а Женя (Евг. Иванов. — З. М.) на велосипеде из Царского» (VII, 147).

32. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 21.VII.1912

Милый Владимир Алексеевич,

вчера два раза я звонил к Р^уманову, но не дозвонился ¹. Во вторник переезжаем ² — занимаюсь только купаньем в Шувалове, вчера и днем и вечером.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 16.

Текст приведен в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 348.

¹ Возможно, звонок связан с выходом А. В. Руманова из тюрьмы 15 июля 1912 г. (он был арестован 2 июля за опубликование в «Русском слове» секретных сведений об охране; см.: «Обыск в редакциях и арест журналистов». — «Речь», 1912, 3 (16) июля, № 179, с. 4).

² 4 июля 1912 г. Блок уехал в Шахматово.

33. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 3 декабря 1912 ¹

Милый Александр Александрович.

Простите, ради Светлого, мне мою необдуманную дерзость по отношению к Вам сегодня ². Надеюсь, Вы не обиделись очень сильно; но я неправ потому, что Вы все-таки обиделись.

Вот что я чувствую долгом Вам написать ³.

Преданный Вам В. П.

¹ Осенью 1912 г. Блок написал Пясту одно письмо — от 19 сентября (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 96, с неверной датой). Пяст летом-осенью 1912 г. Блоку не писал. Письмо Пяста от 3 декабря опубликовано в его «Воспоминаниях» (с. 100).

² О какой именно размолвке идет речь, неясно: Вл. Пяст писал в своих комментариях к письмам Блока, что не помнит ее причины (Воспоминания, с. 100), Блок же в дневниковой записи от 3 декабря упоминает только визит Вл. Пяста и разговоры его — «о себе и о политике» (VII, 189). Разговор пришелся на крайне тяжелое время жизни Блока: накануне вечером Л. Д. Блок объявила ему, что уезжает «без срока» в Житомир к Кузьмину-Караваеву (там же). По всей вероятности, размолвка касалась вопросов политики, «славянофильства» Блока и «западничества» Пяста (см. вступ. статью) и выразилась в обычной для Пяста нервной несдержанности.

³ 4 декабря Блок записал в дневнике: «Милое письмо от Пяста» (VII, 189). В ответной записке Блока читаем: «Спасибо Вам, что Вы так пишете, это очень драгоценно мне, я не обиделся, а на минуту мне стало больно» (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 100).

34. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 15.XII <1912 г.>

Милый Владимир Алексеевич.

Звонил к Вам трижды, да все «занято». Дело вот в чем: Садовской ¹ позвонил сегодня утром и поручил просить Вас написать в газету ² об Александре Первом (в декабрьск^{ой} кн. «Русск^{ой} Мысли» — конец) ³. Вы бы сговорились с ним, если это Вам сколько-нибудь улыбается. Его адрес: Колокольная 7, кв. 17, тел 179-83.

На той неделе увидимся. Евг^{ен}ия > Павл^{ов}ича > ⁴ я увижу в понедельник.

Ваш А. Б.

ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 1024.

¹ Борис Александрович Садовской — поэт, прозаик, критик, историк литературы. См. публикацию переписки Блока с ним в наст. томе.

² В газету А. В. Тырковой «Русская молва», в редакции которой служил Б. Садовской (ср. VII, 185).

³ Речь идет о написании рецензии на роман Д. С. Мережковского «Александр I».

⁴ Е. П. Иванова.

35. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 18.XII.1912

Милый Владимир Алексеевич.

Вас сегодня «на службе нет». — Мы с Евгением Павловичем условились — в пятницу 21-го. Приходите вечером, пожалуйста¹.

Ваш А. Б.

ИРЛИ, ф. 567, ед. хр. 9.

¹ 18 декабря вечером Блок, видимо, звал Пяста на чтение поэмы «Возмездие» (ср. дневниковую запись этого числа: «Вечером <...> Н. Н. Ге, я читал ему поэму» — VII, 194). 21 декабря Пяст и Е. И. Иванов были у Блока: «Вечером Женя и Пяст — о моей пьесе о важном, после — Пяст о своей семье» (VII, 195).

36. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 30.XII.1912

Милый Владимир Алексеевич.

Есть письмо от А. М. Аничковой¹, которая забыла Ваш адрес и просит Вам передать приглашение на 1-ое января². «Ровно в 9 час. вечера» у них будет «лучший теперешний медиум» Ян Гузик³. Совет Ремизовых⁴ и нас также. Всего гостей должно быть мало, не более 15 человек.

Думаю, занятно, надеюсь попасть.

Ваш А. Б.

С Новым Годом, пусть он будет светел.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1—1 об.

Анна Митрофановна Аничкова (псевд. Ivan Strannik, 1868—1933) — писательница, жена Евг. Аничкова. Блок резко отрицательно относился к «светскому» стилю жизни и поведения А. М. Аничковой. Отсюда — иронические цитаты из ее письма в записке Пясту.

² Ср. запись в дневнике от 1 января 1913 г.: «Пообедав, мы с Любой поехали в такси-оте к Аничковым. Собрание светских дур, надутых ничтожеств <...> Вот — жизнь, ни к чему не обязывающая, «средне-высший круг» <...> мерзко» (VII, 202—203).

³ Ян Гузик — медиум на спиритическом сеансе. Ср. у Блока: «У Гузика болит голова, надуваются жилы на лбу, а все обращаются с ним как с лакеем, за сеанс платят четвертной билет» (VII, 203). О трогательном отношении Блока к Гузику пишет и Пяст.

⁴ Ремизовы на спиритическом сеансе не были (ср.: «Ремизовы не приехали и хорошо сделали, расстроились бы» — VII, 203).

37. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 3.III.1913

Милый Владимир Алексеевич,

поэму¹ читали, много говорили о ней, отдельные части нравились, а в целом — «Сирин» не хочет ее брать². При свидании расскажу Вам. — Завтра чтение пьесы³ не состоится, потому что я, начитавшись поэмы, вышел на улицу с разгоряченным горлом и совершенно потерял голос⁴. Целую Вас крепко.

Ваш Ал. Блок

¹ «Поэма в ношах» Вл. Пяста (см. вступ. статью).

² Ср. дневниковую запись Блока от 1 марта 1913 г.: «Днем пришел в „Сирин“, приехали Михаил Иванович и Пелагея Ивановна (Терещенко, владельцы изд-ва «Сирин». — З. М.) повезли <...> к себе, там читал я им поэму Пяста. Не берет ее „Сирин“» (VII, 226).

³ «Роза и Крест».

⁴ Ср. VII, 226.

38. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 30 января 1914¹

Милый Владимир Алексеевич, вот имя и адрес шахматиста, служащего в переплетной Глазунова в Зиминном переулке: Михаил Александрович Юрченко. Казанская 6, кв. 3. Он — очень обходительный и деликатный молодой

человек. Я его не особенно обнадеживал, но сказал, что знаком с таким господином, который знаком с Потемкиным² и Зноско-Боровским³.

Он был бы благодарен, если бы его испытали в шахматном собрании.

Целую Вас. Ваш Ал. Блок

¹ Между 3.III.1913 г. (п. 37) и настоящим письмом Блок писал Вл. Пясту дважды: 19 (6). VII из Франции (VIII, 424) и 2.XII.1913 г. (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 101—102).

² Петр Петрович Потемкин (1886—1926) — поэт-сатириконовец, университетский друг Пяста, знакомый Блока по «кружку молодых».

³ Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884—1954) — писатель, критик, секретарь журнала «Аполлон». И Потемкин, и Зноско-Боровский — шахматисты, члены Петербургского шахматного клуба.

39. ПЯСТ — БЛОКУ

«Выборг», 25.III <1>915

Дорогой Александр Александрович.

Вы, застигнутый мною внезапно по телефону¹, сказали мне, думается мне, такие вещи относительно моей болезни, каких в иное время не сказали бы². Вы сказали, что «это подготавливалось у меня уже давно», что «на наших отношениях [Вы замечаете] отражалось это всякий раз», когда это со мною случалось. . . И то и другое неверно. Последнее потому, что, например, наши отношения нисколько не портились в 1906—8 годах, когда я бывал болен, — а ухудшились к 1910 году, в здоровую мою пору³. Но это, конечно, не важно. Гораздо больше мне хочется опровергнуть Ваше первое утверждение. Ничего-то у меня (по крайней мере заметным для других, и в частности для Вас, образом) не «подготавливалось», потому что, если бы это было так, неужели бы Вы меня, так сказать, благословляли (как и Алексей Михайлович⁴, тот буквально) на эту жизнь⁵? Между прочим, по закону, раз перенесенное душевное расстройство навсегда освобождает от военной службы.

О том, что такое казарменная жизнь, маленькое понятие даст Вам прилагаемое стихотворение⁶. Конечно, не везде так. Она, и только она, эта жизнь (и это к счастью, что *только* она) была причиной моего заболевания; перед нею я был спокойно продуктивен и работоспособен, — в 4 месяца перевел Дон Хуана⁷, изучил шведский и отшлифовал знание английского языка, думая о корреспондентской работе, — все это было «уверенно» и без напряжения. Вы помните, как я говорил Вам, что не имею права испытать этот «праздник», каким Вы называли эту великую войну, а Вы говорили: «Не рано ли Вам так говорить и думать, Владимир Алексеевич». Ясно же из этого, что никаких «подготовлений» у меня Вы не замечали.

У меня развилось нечто вроде мании преследования, — дело-то многим, начиная с Августа, нашего Стриндберга, знакомое⁸. Но пренебрежительное. Весь организм у меня протекшей болезнью расшатан, как не бывал еще. Я впрочем, смотря на это философически — как на мою лепту великой войне, мою жертву ей, и сознанием исполненного долга доволен. Так или иначе, «что-то» эта война должна была унести у каждого, — у меня — часть здоровья, вот и все.

Но вот что, дорогой Александр Александрович. Отчего это все, или почти все, меня за эти короткие месяцы так основательно забыли⁹? Не пригласили в сборник «Жертвам войны»¹⁰, например. Это меня печалит. Или вот: послал я 3 недели назад Щеголеву¹¹ рецензию на три книжечки, а он не печатает¹²? Конечно, и до болезни с «памятью» обо мне дело обстояло неважно. . . Это, впрочем, порядочные пустяки; но если Вас не затруднит, именно не затруднит (в виду «В. А. Щ.»)¹³, спросили бы его, отчего он не печатает, и, если он не может напечатать, попросили бы его отослать эту рецензию в «Вершины»¹⁴, чтобы даром труд не пропал. Напишите мне что-нибудь в К.: о себе, о Георгии Ивановиче¹⁵, времени его приезда, адрес его и т. д. . .

Ваш В. П

«*Прписка на полях*»: Чувствую я, Александр Александрович, что брызжу и капризничаю, а посему прощу прощения¹⁶.

¹ Написано после более чем годового перерыва, во время пребывания Пяста в военном госпитале. За это время Блок писал Пясту лишь 15 января 1915 г. — через мать Пяста во время его болезни (записка эта не сохранилась; см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 102). Письмо написано из военного госпиталя, где Пяст лежал по поводу новой вспышки психического заболевания (см. вступ. ст.), после телефонного звонка Пяста Блоку, явившегося откликом на записку Блока.

² Блок узнал о болезни Пяста от А. Ремизова 17 декабря 1914 г.: «Думал я о Пясте, а он, бедняжка, <...> лежит в Николаевском госпитале без рук, без ног и без языка» (ЗК, 250). После этого записки о Пясте следуют очень часто (20 декабря: «В. А. Пяст сошел с ума, опять» — ЗК, 251; 24 декабря: «Пясту лучше, говорят» — там же; 6 января 1915 г.: «Мать Пяста звонила, он «опомнился», просит написать ему» — ЗК, 253). Очевидно, что звонок Пяста не застал Блока врасплох и что сказать суровую правду о его болезни было не только неизбежным при блоковской прямоте, но и входило в самое суть его представлений о дружбе, дружеском долге и «мужественных» отношениях (см. вступ. ст.). В ответном письме от 6 апреля 1915 г. Блок говорит: «Может быть, Вы правы в том, что пишете по существу; для того, чтобы судить, надо увидеть Вас и опять проникнуть в Вас, как бывало; вообще, сызнова начать» — VIII, 443).

³ И воспоминания Вл. Пяста, и переписка, и другие источники свидетельствуют о том, что отдаление Блока и Пяста падает на время от конца 1906 до конца 1910 г. Отмеченное здесь Пястом «ухудшение» отношений к 1910 г. связано, скорее всего, с тем, что Блок с весны 1909 г. находился в состоянии духовного кризиса и тяжелой депрессии.

⁴ Алексей Михайлович Ремизов. См. публикацию переписки Блока с ним в наст. томе.

⁵ Ср. в «Воспоминаниях» Пяста: «Немалую роль в бесповоротности моего решения пройти военную службу <...>, не прибегая ни к оттяжкам, ни к суррогатам военных должностей, сыграло влияние не кого иного, а именно Блока. Он благословлял меня, по праву старшего друга и по добром русскому обычаю, на службу отечеству» (с. 70). Безусловно, однако, что Пяст истолковывает позицию Блока упрощенно (как он, видимо, воспринимал ее и в 1914 г.): Блок считал «немужественным» уклоняться от военной службы, однако с самого начала войны был почти полностью лишен иллюзий относительно ее характера (см. вступ. ст.).

⁶ Стихотворение Пяста в бумагах Блока не сохранилось.

⁷ В 1912—1914 гг. Вл. Пяст перевел еще две (после «Дон Хья, зеленые штаны») пьесы Тирсо де Молина: «Осужденный за недостаток веры» (раннее название перевода — «Осужденный за сомнение») и «Севильский озорник, или Каменный гость» (см.: Тирсо де Молина. Театр. Пер. В. А. Пяста и Т. Л. Щепкиной-Куперник. Л., «Academia», 1935). Имеется в виду последняя пьеса.

⁸ Авг. Стриндберг страдал манией преследования.

⁹ В ответном письме от 6 апреля 1915 г. читаем: «Насчет «забвения», — это Вы не так говорите, так не надо. Настолько же, насколько я это чувство понимаю, настолько знаю, что оно — неужное» (VIII, 444).

¹⁰ По-видимому, имеется в виду «Невский альманах» жертвам войны». Писатели и художники. Вып. 1. Пг., «Общество русских писателей для помощи жертвам войны», 1915. В альманахе напечатаны произведения Ал. Блока, К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Ахматовой, З. Гиппиус, Л. Андреева, Вяч. Иванова, Ю. Верховского, Н. Гумилева, Д. Мережковского, О. Мандельштама, Ал. Ремизова, Ф. Сологуба, П. Соловьевой, Г. Чулкова и др. близких Пясту литераторов.

¹¹ Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — историк, литературовед, редактор журнала «Былое».

¹² Ср. в ответном письме Блока от 6 апреля 1915 г.: «Щеголеву я звонил давно уже. Он обещал прислать мне рецензию <...> и, конечно, не прислал. Говорит, что уже недели три назад сказал Вашему брату, что рецензии о тех же книгах написаны Тиняковым, потому он их и не помещает» (VIII, 444).

¹³ «В. А. Щ.» — Валентина Андреевна Щеголева (Богуславская) (1878—1931) — драматическая артистка, жена П. Е. Щеголева. «В. А. Щ.» в сб. «Ночные часы» (1911) посвящен лирический цикл Блока «Три послания» (III, 162—163), в силу чего Пяст и считает «важнейшим» обращение Блока к Щеголеву.

¹⁴ В ответном письме от 6 апреля Блок сообщает, что собирался сам послать рецензии Пяста в журнале «Вершины» (VIII, 444).

¹⁵ Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — поэт, прозаик, драматург, критик-символист; в 1907—1908 гг. приятель Блока. В ответном письме Блок сообщает адрес Чулкова и пишет: «Я получил от него письмо и давно уже собираюсь к нему съездить» (VIII, 444). По возвращении Пяста в Петроград он и Блок ездили к Чулкову в Царское Село (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 71).

¹⁶ Приписано на полях.

40. БЛОК — ПЯСТУ

«Петроград», 10 апреля 1915

Дорогой Владимир Алексеевич.

Из «Вершин» надо уходить, Гудзац¹ повел себя неприлично. Ответа от Вас и от Верховского² ждать было бы долго, поэтому мы с Ремизовым решили взять это на себя. Не удивляйтесь, когда появится письмо в газетах, где будет и Ваша подпись, а еще — Зинаиды Николаевны³, Мережковского, Филоsofova, П. С. Соловьевой, Ремизова, Ахматовой, Верховского, моя, и еще, должно быть, некоторых⁴. И Гордин⁵ уходит. Гудзац, по его словам, хочет поставлять «фривольную литературу для армии».

Гордину я дал Ваш адрес, он тоже напишет Вам.

Целую крепко

Ваш Ал. Блок

¹ Д. М. Гудзац — издатель журнала «Вершины». Редактор журнала «Вершины» В. Гордин заявил, что слагает с себя редактирование по принципиальным соображениям из-за разногласий с издателем («День», 1915, № 98, 11 апреля).

² Ю. Верховский в это время в Петербурге не был.

³ З. Н. Гиппиус.

⁴ Письмо группы писателей (А. Ахматовой, А. Блока, Ю. Верховского, З. Гиппиус, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, В. Пяста, Б. Садовского, П. Соловьевой (Аллегро), А. Ремизова, Н. Рериха, Г. Чулкова и др.) было опубликовано в том же номере газеты «День».

⁵ См. прим. 2.

41. БЛОК — ПЯСТУ

«Петроград», 12 апреля 1915

Дорогой Владимир Алексеевич, опять пишу по поводу «Вершин». Наше коллективное письмо об уходе появилось вчера в «Дне» и в вечерней «Биржевке» в сопровождении письма Гордина (отдельно). Гудзац в отчаянии. Звонил ко всем, к кому мог, был у Ремизова, долго рассуждал с ним и клянется, что «направление» не изменится нисколько, в чем мы все убедимся из последующих номеров. Порешили мы с Ремизовым поэтому, что можно будет через несколько номеров опять появиться в «Вершинах» (уже без писем на этот раз), если «направление», действительно, не изменится. «Прецеденты» такие бывали (например, когда Глаголев¹ уходил из «Дня», многие ушли и опять вернулись — к Щеголеву²).

Острастка-то таким, как Гудзац, полезна.

Напишите, как идет поправка здоровья?

Получили ли письма и бандероль?

Целую Вас

Ваш Ал. Блок

¹ Николай Матвеевич Глаголев (р. 1880) — журналист, сотрудник «Дня» и др. периодических изданий 1910-х годов.

² См. п. 39, прим. 11.

42. ПЯСТ — БЛОКУ

«Выборг», 21/IV 1915

Милый Александр Александрович!

Три Ваших письма, каждое через неделю после его отправки (цензура), а также и бандероль, получил¹. Благодарю Вас за них, и за то что «вышли» меня из «Вершин»². Стихи Ваши мне памятны, почти все из присланных я читал раньше³. Мейерхольду в журнал⁴ пока что давать стихотворений не хочу, этому, простите, прощелыге⁵.

Евгений Васильевич⁶ прислал мне письмо из действующей армии, 13 Уланского Владимирского полка. Он в самых передовых линиях, самым простым боевым офицером, бывал (ездит туда, когда придет «очередь») в окопах, и под всяким огнем, и, между прочим, пишет: выпарапайте мне письмо от Блока, это одна из моих безнадежных любовей⁷.

По ассоциации, делаю переход к Любви Дмитриевне — где и что она⁸? Семь месяцев я ничего об ней не слыхал. Не думайте, что спрашиваю я

БЛОК НА ФРОНТЕ СРЕДИ СОСЛУЖИВЦЕВ ПО 13 ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ДРУЖИНЕ

Фотография, 1916 г., дер. Новый Двор (Белоруссия)

Собрание И. А. Фашевской, Ленинград

только по ассоциации или из любезности, я давно уже хотел услышать что-либо о деятельности Любви Дмитриевны.

Были ли у Георгия Ивановича ⁹? Как он, поправился ли? Знаете ли Вы статью С. В. Максимова в «Русской Мысли» 1885 или 1895 года (кажется, за журнал не ручаюсь) о Л. А. Мее ¹⁰? Там, сколько помнится, и об Аполл(оне) Григорьеве есть ¹¹.

Настала со вчерашнего дня вторая зима, «все пушисто, светло и бело»; озерко ходит сердитыми волнами (а когда я приехал, еще стоял снег). Посылаю письмо с оказией. О, если бы «настоящее» скорее прошло, — жизнь вступила бы в следующий период ¹²! Тогда бы я зажил совсем хорошо, впрочем и *теперь* я окреп уже очень. Бог даст, все восстановится.

Ваш В. П.

Сверху на письме — пометка Блока: «Отвечено» 26.IV».

¹ См.: VIII, 434—444, а также 40 и 41. Содержание бандероли, отправленной Блоком в госпиталь Пясту, не установлено.

² См. п. 40.

³ Стихи, присланные Блоком в госпиталь, не сохранились.

⁴ «Любовь к трем апельсинам».

⁵ Сущность расхождений Пяста и Мейерхольда неясна.

⁶ Евгений Васильевич Аничков (1866—1937) — литературовед, литературный критик. Об отношениях его с Блоком см. вступ. ст. В 1914 г. Аничков ушел добровольцем в Действующую армию (см.: Вл. П я с т. Воспоминания, с. 69).

⁷ В ответном письме от 26 апреля 1915 г. Блок пишет: «Кланяйтесь от меня Евгению Васильевичу, когда будете ему писать. Надо бы самому написать ему, да уж не знаю, соберусь ли» (VIII, 445).

⁸ Л. Д. Блок, кончив курсы сестер милосердия, уехала 3 сентября 1914 г. (см. ЗК, 238) в Действующую армию с госпиталем Кауфмановской общины (устроенным на средства близко знакомой Блоком семьи М. И. Терещенко). Вернулась она 16 марта 1915 г.: (см. ЗК, 258). В ответном письме Пясту Блок сообщает: «Любовь Дмитриевна вернулась еще перед Пасхой, проработав сплошь более шести месяцев в Львове» (VIII, 445).

⁹ См. п. 39, прим. 15. 26 апреля Блок писал, что «у Георгия Ивановича <...> все еще не побывал; но он был не так давно у Мережковских» (VIII, 446).

¹⁰ См.: С. В. Максимов. Лев Александрович Мей (Из личных воспоминаний) «Русская мысль», 1887, № 7, с. 60—77 (2 пагинация). В статье Максимова (с. 71) упоминается Ап. Григорьев как член «молодой редакции» «Москвитинина». Работа Максимова запомнилась Пясту и была (без точного библиографического описания) названа в позднейшей брошюре: Л. А. Мей и его поэзия. Ред и статья Вл. Пяста. К столетию рождения Мей. (1822—13 февраля — 1922). СПб., «Парфенон», 1922, с. 23.

¹¹ Блок в начале 1915 г. (14 января) завершил работу над статьей «Судьба Аполлона Григорьева» и в апреле был занят ее печатанием, о чем и сообщил Пясту 6 апреля (см. VIII, 443).

¹² Ср. в ответном письме Блока от 26 апреля 1915 г.: «Следующего периода» я желаю так же сильно, как и Вы, т. е., должно быть недостаточно сильно, потому что оба устали» (VIII, 445—446).

43. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 23.XII. <1>916—3.I. <1>917

Дорогой Александр Александрович ¹!

Написал Вам 23—31 декабря длиннейшее письмо о текущих событиях в «Петрограде» ². Да, чтоб не раздражить, кого дразнить не надо ³, — не послал. И хорошо сделал, события все меняются, бегут с головокружительной быстротой. . . Вы ведь получаете газеты? Из них главнейшее о новых министрах знаете, а я писал все о них, да о Рубинштейне ⁴, да о Манасевиче, Мануйлове ⁵, да о «Прусской Воле» ⁶. О последней скажу все-таки несколько слов. Я поссорился из-за нее с Княжниным ⁷, утверждавшим, что это «жидки» опорочивают это издание. Утверждение, достойное того околоточного, который явился в красивый магазин с настоятельным предложением подписаться на эту газету. Владелец магазина имел мужество отказаться: он, де, уже выписывает «Полицейский Листок» и «Петроградские ведомости» ⁸. Это факт. Хороши жидки: Пуришкевич ⁹, Милюков ¹⁰, Суворинцы ¹¹, Тиняков (в «Русском Знамени») ¹², Короленко ¹³, Бурцев ¹⁴, Горький ¹⁵, Илеханов ¹⁶ . . .

Организаторы газеты ¹⁷ пойманы во лжи с поличным, многократно, документально. В ус себе не дуют, радикальничают, ррракальи! «Попка дурак», — пишут, — знай наших! И признаются в интимной близости к этому «Попке», побутильничая в ресторанах с бывшими своими коллегами по печати. . . ¹⁸

Тучи сгустились донельзя. Но — «чем ночь темней, тем звезды ярче». . . ¹⁹ Эту именно фразу произнес некий генерал в «Контане», чествуя обедом выпущенного Манасевича, по адресу последнего. . . ²⁰ Сергея Гуцулло ²¹ (Прохожего), автора поклепа на Дубровина ²² (будто тот подговаривал его убить Милюкова) ²³, посадили в Екатеринбургскую тюрьму и будут судить за преступления, совершенные им в качестве члена с. р. нар. в Одессе, преступления, в котор<ых> он сознался прокурору, «оговаривая» Дубровина. «И преступник имеет свой оправдательный документ», — сказал отец одного моего друга. Как приложить это речение к изложенному факту, догадайтесь сами.

«Общество 1914 года» ²⁴ просило об амнистии. В Новый Год его посетили Шлиссельбуржцы ²⁵, в пику левакам современным ²⁶ . . .

Читайте «Русское слово» ²⁷! Горький, кажется, будет вести газету, но не сытинскую, а издания «Копейки» ²⁸. Жалко, что у них нет размаха, будут грошовничать.

Приезжайте хоть на короткий срок, Александр Александрович. Александра Андреевна ²⁹ нездорова; неопасная болезнь, но я думаю, что Вы будете полезны. Кланяйтесь Науму Ильичу ³⁰.

Ваш В. П.

¹ Написано Блоку в действующую армию по адресу: «Порохонск. Полесских жел. дор. Его Высочородию Александру Александровичу Блоку. 13 инженерно-строит<ельная> дружина В. Г. и З.» Письмо отражает характерный для Вл. Пяста интерес к политике, бурное переживание им событий эпохи, а также хаотичность его политических взглядов, сочетающих неопределенную «левизну», отвержение официозных идей, неприятие шови-

низма — с искренними оборонческими иллюзиями. Часть письма написана языком аллюзий, иронических намеков.

² «Петроград» взято в кавычки как «чужое слово» — официально-«патриотическое» название Петербурга.

³ Т. е. военную цензуру.

⁴ Дмитрий Львович *Рубинштейн* — близкий к Распутину банкир; в 1916 г. был арестован по обвинению в спекуляции. Участвовал в финансировании «Русской воли» (см. прим. 6).

⁵ Иван Федорович *Манасевич-Мануйлов* (1869—1918). Фамилия, по-видимому, нарочито искажена Пястом — реакционный журналист, авантюрист, агент департамента полиции. Принимал активное участие в создании газеты «Русская воля» (см. прим. 6).

⁶ Ироническая перефразировка названия газ. «Русская воля» (1916—1917). Газета эта, тайно финансировавшаяся царским двором и департаментом полиции, поддерживалась также рядом крупнейших банков России и должна была выражать интересы руководителей русской тяжелой промышленности. Провокационный момент в организации и работе газеты состоял в том, что издание стремилось иметь вид либерального: к участию в нем предполагалось привлечь крупнейших прогрессивных писателей (А. М. Горького, В. Г. Короленко, Ал. Блока и мн. др.); газета была хорошо информирована во внешне и внутриполитических вопросах, а ее связь с «немецкой партией» двора и крупных промышленников (через инициатора «Русской воли» А. Д. Протопопова) маскировалась под антишовинистические настроения (см.: Ю. О к с м а н. «Русская воля», банки и буржуазная литература. ЛН, т. 2).

Осенью 1916 г. Блок получил через Л. Андреева приглашение сотрудничать в «Русской воле» и отказался от него. Блок писал Андрееву (из Петрограда, где он был в отпуске с конца сентября по 2 ноября): «Все мои близкие горячо убеждают меня не участвовать в газете, приводят факты и аргументы, которым я не могу не верить. Сам я совершенно не в курсе дела, газет на фронте почти не видел и о газетной полемике, связанной с новым делом, не знал» (VIII, 475). Из всех близких Блоку людей разговоры о политике чаще всего вел Пяст, и не исключено, что именно беседы с Пястом осенью 1916 г. сыграли роль в блоковском отказе от сотрудничества в «Русской воле». В любом случае очевидно, что письмо Пяста от 3 января 1917 г. не начинается, а продолжает их разговор об этой газете.

⁷ Владимир Николаевич *Княжнин* (Ивойлов, 1883—1942) — поэт, литературовед, приятель и будущий биограф Блока.

⁸ Официальные органы департамента полиции, сопоставляемые с «Русской волей».

⁹ Владимир Митрофанович *Пуришкевич* (1870—1920) — член Государственной думы, монархист, черносотенец. С крайне правых, черносотенных позиций разоблачал прогерманскую позицию «Русской воли» и А. Д. Протопопова (см.: «Речь», 1916, 21 июля, а также: «Стенографические отчеты заседаний Гос. думы от 19/XI 1916 г.», с. 281—282).

¹⁰ Павел Николаевич *Милюков* (1859—1943) — лидер кадетской партии, также резко критиковавший «Русскую волю».

¹¹ Т. е. сотрудники газеты «Новое время», позиция которых была близка к Пуришкевичу. Вопрос осложнился и тем, что именно «Новое время» первоначально мыслилось как орган, превращаемый в негласный рупор идей департамента полиции, банков и промышленников, однако эта кандидатура была отвергнута из-за широкой известности одиозно-реакционного облика газеты (см.: Ю. О к с м а н. Указ. соч., с. 166—168).

¹² Александр Иванович *Тиняков* (1886—1922, псевд. *Одинокий*) — поэт, журналист. «Русское знамя» — орган Союза русского народа (1905—1916). О причинах критики этим органом «Русской воли» см. прим. 9 и 11.

¹³ См.: В. Г. Короленко. Старые традиции и новый орган. — «Русские записки», 1916, № 8, с. 249—267. Короленко, приглашенный в число сотрудников «Русской воли», отказался от участия в этой газете, мотивируя свой отказ соображениями личной и профессиональной этики прогрессивного русского писателя, требованиями независимости прессы от правительства. Он также возмущался сделанным А. Д. Протоповым (см. прим. 17) заявлением о якобы полученном им согласии на сотрудничество Горького, Л. Андреева и Короленко («Речь», 1916, 21 июля). Протопов отвечал Короленко («К истории новой газеты (письма в редакцию)» — «День», 1916, № 214, 6 августа, с. 2), утверждая «естественность» для «европейской» прессы зависимости от крупных акционерных обществ.

¹⁴ Владимир Львович *Бурцев* (1862—1942) — редактор журн. «Былое».

¹⁵ Горький сразу же возмущенно откликнулся на слухи о его предполагавшемся сотрудничестве в «Русской воле»: «Слухи о сотрудничестве моем в газете, организуемой г. А. Д. Протоповым, не верны» (М. Г о р ь к и й. Письмо в редакцию газ. «День». — «День», 1916, 6 августа, № 214, с. 2). В письмах он безоговорочно называет газету «Русская воля» реакционной (см. письмо к Е. П. Пешковой от 30 ноября 1916 г. — «Летопись жизни и творчества А. М. Горького». Вып. 12. 1908—1916. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 582).

¹⁶ Газета «Русская воля» активно распространяла слухи о согласии на сотрудничество в ней сначала Горького, потом Короленко, затем — Г. В. Плеханова (см. прим. 13). Плеханов, как и Короленко, и Горький, публично опроверг это сообщение.

¹⁷ Александр Дмитриевич *Протопов* (1866—1918) — председатель совета съездов металлообрабатывающей промышленности, крупный землевладелец, с сентября 1916 г. —

министр внутренних дел, главноначальствующий отдельным корпусом жандармов, ставленник Распутина. Инициатор создания «Русской воли».

¹⁸ Намек на связь Протопопова с Распутиным.

¹⁹ Из цикла А. Н. Майкова «Из Аполлиодора Гностика» (стих. «Не говори, что нет спасенья...»).

²⁰ См. прим. 5.

²¹ С. И. Гуцулло (псевд. Сергей Прохожий) — журналист, сотрудник «Русского знамени» (см. прим. 12).

²² Александр Иванович Дубровин (1885—?) — основатель черносотенного «Союза русского народа».

²³ См. прим. 10. Вся история «поклепа» на Дубровина изложена пронически и «эзоповым языком», с учетом военной цензуры.

²⁴ «Общество 1914 года» — организация, созданная в 1914 г. и ставившая своей целью помощь России и союзникам в мировой войне. Во главе общества стоял кн. С. П. Мансурев (депутат Гос. думы, кадет, позже — прогрессист).

²⁵ Объединение бывших узников Шлиссельбургской крепости возникло в период Первой русской революции. Контакт с членами «Общества 1914 года» — жест, демонстрирующий оборонческую позицию.

²⁶ Пораженцы, к которым Пяст относился резко отрицательно (см. вступ. ст. и прим. 123 к ней).

²⁷ «Русское слово» — газета либерально-буржуазного направления (1894—1917). Представителем ее в Петербурге был А. В. Руманов.

²⁸ М. Горький в конце 1916 г. организует газету «Луч».

²⁹ В конце 1916 г. здоровье матери Блока ухудшилось. В начале 1917 г. она уехала в санаторий Крюково.

³⁰ Наум Ильич Идельсон (см. вступ. ст.).

44. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 3.II. 1917 ¹

Дорогой Александр Александрович.

В понедельник (30 января) №-е «Дня» приведен очень большой кусок (целый фельетон) из Вашей автобиографии Венгеровского издания ². Сказали мне об этом на службе, я «Дня» теперь не читаю сам, ничего общего с ним не имею ³, там упомянут Август и я, через которого Вы впервые познакомились с его творениями ⁴. Очень меня это тронуло, порадовало, польстило мне и обратило мои мысли лишний раз к Вам и нашим интерпсихическим странам, в которых мы блуждали, и за время «первого», и за время «второго» знакомства ⁵, и за то время, когда в наших отношениях «завелась неправда» ⁶, и продолжаем блуждать, конечно, теперь, несмотря на разделенность странством.

Между прочим, я читал однажды у Бородаевского ⁷, второй раз издателям («Фелана») Лисенкову и Ляндау ⁸ первую часть своего романа, иначе «первый роман», которому (или которой) я дал название «Круглый год» ⁹. Вы слышали года три-четыре назад из нее места, Вам не понравилось... Но все-таки, она хороша, эта часть: все-таки в ней отразился Парк ¹⁰ и жизнь в нем, — не так, как бы хотелось, не полно, — а все-таки. Полно отразится он лишь во всем моем творчестве первой половины жизни, и даже не в одном моем, но и у кого-то еще, чьи «Незнакомка» ¹¹ и «Озеро-красавица» ¹² так близки к нему, — без них ведь, без мест Вольной песни ¹³ и Незнакомки, [нельзя] и даже другой Вольной песни, с «цыплячьей желтизной» ¹⁴, нельзя добраться до «Монмартра» и «Усолья», мест моего «Круглого года» (название-то Ваше, связанное с моим покойным мальчиком, кому, утомленный, после обеда, в многострадальный и многонадежный сезон 1913—14 годов, я читал оттуда, из Вашей сытинской книжки, стихи ¹⁵), — и других моих вещей, как-то: рассказа «Три сна» ¹⁶, «Ограды» ¹⁷ и цикла «Еще в Ограде» в новой книжке стихов «Львиная пасть», которую готовит «Фелана» ¹⁸, и — второй части романа «Агнесса Кроль» ¹⁹, которая много лет не увидит тиснения. Теперь я закончил и третью часть романа (которой доволен) «Тайные силы» ²⁰, и «Эпилог» ²¹, которому не хватает только протокола, об одном имевшем место в действительности событии; протокол этот находится во владении Финляндской железной дороги, и я озабочен изысканием путей к его добытию. Четвертая же часть, известная Вам «Ру-

копись *Хлябина*²², теперь довольно близка к реализации, — может быть, будет напечатана сразу отдельным изданием. «Круглый год» я хотел бы сначала провести через журнал; но требует исправлений, потому что во время чтения, шельма Ани<чк>ов (это я ласкательно) сразу узнал в «Нератове» Стасова²³. Вторую же и третью части читатели узнают много позднее, если заинтересуются первой и четвертой, и если позволит стыдливость.

Сегодня Александра Андреевна с Францем Феликсовичем уехали в Крюково²⁴. Говорю по телефону с Марьей Андреевной²⁵.

Посылаю Вам, по просьбе автора, посвященный Вам акростих²⁶ — на мотив «Выходи, о друг мой нежный, бил свиданья час»²⁷.

В. П я с т

Княжнин²⁸, кажется, отправляется в Пензу. Вы не получили моего первого письма²⁹?

Напишите что-нибудь о себе.

¹ Отправлено по иному, чем письмо 43, адресу (полученному скорее всего от матери Блока): «Лунинец, Подольских жел. дор. Е. В. Александрю Александровичу Блоку. 13 Инженерно-строительная дружина В. З. и Г. С.».

² См. VII, 7—16. Впервые опубликовано в кн.: «Русская литература XX века», под ред. С. А. Венгерова, т. 2. М., 1915.

³ «День» — петроградская газета, ставшая после Февральской революции органом меньшевиков. Позиция Пяста ко времени Февральской революции — кадетская. Раньше Пяст был сотрудником «Дня» (см., напр.: П я с т. О. Мандельштам. Камень (реп.). — «День», 1916, № 20, 21 января, с. 5).

⁴ Август Стриндберг. Ср.: «Из событий, явлений и веяний, особенно сильно повлиявших на меня <...> я должен упомянуть <...> знакомство с творениями покойного Августа Стриндберга (первоначально — через поэта Вл. Пяста)» (VII, 15—16).

⁵ См. вступ. ст. Вся фраза построена на цитатах из дружеского языка Блока и Пяста, а также на оккультной терминологии, связанной для обоих с именем Авг. Стриндберга.

⁶ См. VIII, 443, а также вступ. ст.

⁷ Валериан Валерианович *Бородавский* — поэт из круга Вяч. Иванова, автор сб. «Уединенный дол».

⁸ С петроградским издательством «Фелана» и его издателями Пяст был связан в 1910-х годах довольно тесно. Так, в «Альманахе муз» (Пб., «Фелана», 1916) опубликованы 3 отрывка из поэмы «Грозно дышащий июль» (1915), полностью не увидевшей света (Вл. Пяст. Автобиография, л. 127 об.).

⁹ Роман Пяста не был опубликован («Автобиография», л. 127 об.).

¹⁰ Шуваловский парк, поблизости которого жил Вл. Пяст с семьей и в котором они Блоком часто гуляли.

¹¹ Стихотворение «Незнакомка» (24 апреля 1906 г.) написано Блоком в Озерках.

¹² Имеется в виду стихотворение «Над озером» из цикла «Вольные мысли» (1907), написано Блоком в Шувалово.

¹³ Т. е. цикла «Вольные мысли».

¹⁴ Из стихотворения Блока «О смерти» (цикл «Вольные мысли» — см. II, 296).

¹⁵ Ал. Б л о к. Круглый год. Изд. И. Д. Сытина, 1913.

¹⁶ Не опубликовано (см. прим. 9).

¹⁷ См.: Вл. П я с т. Ограда. Книга стихов. СПб., тов-во М. О. Вольф, 1909.

¹⁸ Сборник вышел не в изд-ве «Фелана», а после Октября в Берлине (Вл. П я с т. Львиная пасть. Вторая книга лирики. Берлин — Пб., изд. З. И. Гржебина, 1922).

¹⁹ Не опубликовано (см. прим. 9).

²⁰ Не опубликовано (см. прим. 9).

²¹ Не опубликовано (см. прим. 9).

²² Не опубликовано. Рукопись этой части романа была в 1917—1918 гг. у Блока (см. п. 48, прим. 3).

²³ С Владимиром Васильевичем *Стасовым* (1824—1906) Пяст был знаком во времена своей юности (см. Вл. П я с т. Встречи, с. 44).

²⁴ См. п. 43, прим. 28.

²⁵ С Марьей Андреевной *Бекетовой* (1862—1938) — теткой (впоследствии — биографом) Ал. Блока.

²⁶ Акростих в письме Пяста не сохранился.

²⁷ Т. е. арии Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст».

²⁸ См. п. 43, прим. 7.

²⁹ На п. 43 (как и на все последующие) Блок не ответил.

45. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 11 мая 1917

Милый друг — пусть и настало время, когда любовь наша разъединяет нас: потому что нас разделяет любовь — у Вас к одному — у меня к другому — или вернее к *другим* ¹. (Сегодня я шел с бельгийцами и временами плакал от горя и радости. . .) Все же будем помнить, что то, что нас отделяет, — есть не ненависть, а у обоих любовь. Две любви — две правды.

Потом я был у Гейштора в Гатчине. Полуфранцузская семья. Хороший стал известный Вам Владимир *Гейштор* ² Михайлович (говорил про Вас). Как это ни странно, и он нашел выход, — т. е. *исправился*: подобно Вам, занимается физическим трудом (Вы занимались им — время тут не играет роли) ³ и сознательно *сердцем* расстался со своей литературой.

Из Гатчины приехал я (впервые) в литературную комиссию Союза деятелей искусства ⁴ в Академии Художеств. . . Пробыл лишь полчаса, нашел свое присутствие излишним — и к Вам. От Вас еще в одно, «оккультное», общество ⁵. «Орловскую быль» ⁶ я попрошу Кудрявцева ⁷ Вам прислать. А сам еду 16-го — на Тверь — Нижний — Пермь — на лесные работы ⁸. До свиданья! — Встретимся сильными.

В. П.

¹ Речь идет о любви Блока к России и о «западничестве» Вл. Пяста (см. вступ. ст.).

² Владимир Михайлович *Гейштор* — журналист, приятель Пяста с середины 1900-х годов. В 1910-х годах сотрудник правых газет.

³ Речь идет скорее всего о том особом значении, которое Блок придавал занятиям по перестройке дома и садовым работам в Шахматово. В 1908 г. Блок думал временами и о серьезном (профессиональном) обращении к физическому труду в духе толстовского «попущения», намереваясь использовать полученные еще в отрочестве навыки переплетного дела (ср. запись от 21 сентября 1908 г. — ЗК, 114); однако, в это время Блок и Пяст были довольно далеки, и неизвестно, знал ли Пяст об этих порывах Блока «в народ».

⁴ Союз деятелей искусства — массовая организация деятелей искусства, созданная после Февральской революции (решение о создании Союза было принято на митинге в Михайловском театре 12 марта 1917 г.). В организации Союза активную роль играли Горький, Вл. Маяковский, А. Бенуа и др.

⁵ Вл. Пяст (как и А. Белый, В. Брюсов, М. Волошин и многие другие символисты) интересовался «оккультными науками». Если для Блока интерес этот (шедший в основном через Авг. Стриндберга) был всегда периферийным, то Пяст посещал тайные «оккультные» общества и был пропитан оккультной мистикой.

⁶ О чем идет речь установить не удалось.

⁷ По-видимому, Александр Евгеньевич *Кудрявцев* (1880—1941) — историк и историко-граф марксистской ориентации, сотрудник горьковской «Летописи». Позже — профессор Ленинградского Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, автор монографии и статей по истории средневековой Испании.

⁸ Служебная командировка Вл. Пяста (см. п. 46).

46. ПЯСТ — БЛОКУ

«Кунгур, 2 июня 1917 г.»

Благословляю час, когда решил эту поездку. Сейчас, проехав по маршруту: Гатчино — Тосно — Тверь (самолет) — Рыбинск (самолет) — Нижний («Каменские») — Пермь (лошади) — Кунгур, по отрогам Урала, еду на Ключи (Кумыс, курорт, Богородское) — Алмазское — на «парезку делянок». Адрес мой будет: Богородское почт. отд., Красноуфимского уезда, Пермской губ., Канцелярия Алмазского лесничего для В. А. Пестовского». Россия велика, богата, умна необычайно, деятельна и не унывает, а рвется в бой с ее врагом ¹. Напишите от меня приветствие с глубоким поклоном Вашей маме.

Открытка, датируется по почтовому штемпелю «2.6.1917». Послана Блоку в Петроград (адрес: «Петроград. Александру Александровичу Блоку. Офицерская, 57. Следовать за адресатом») из Кунгура, где Пяст был в служебной командировке. На открытке сверху слева помета Блока красным карандашом: «Не отвечено».

¹ Характерное проявление «оборончества» Пяста. Блок ценил эти настроения за искренность, однако сам он в это время стоял на совершенно иных позициях (см. ЗК, 283—284, а также вступ. ст.).

БЛОК НА ЗАСЕДАНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Сидят (слева направо): секретарь редакции, Е. В. Тарле, С. Ф. Ольденбург, Блок,
М. П. Миклашевский

Фотография, 1917 г., Петроград

Литературный музей, Москва

47. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 30 июня 1918 г.

Милостивый государь Александр Александрович¹.

Пользуюсь возможностью вернуть Вам пятьдесят рублей, занятые мною у Вас еще летом 1916 года, в Екатерингофском Саду²; извиняюсь, что не сделал этого раньше, и таким образом, вследствие падения курса, возвращаю гораздо, во много, может быть, раз, меньше, чем взял, — но ввиду трудности учета не считаю возможным предложить Вам какую-нибудь другую сумму; предоставляю Вам, если желательно, указать место, куда бы я мог внести добавочную сумму, которую, я считаю, я Вам должен.

В. Пестовский

30 июня 1918 г.

Адрес: Вас. остр. II линия, д. 18

¹ Письмо написано в период, когда Вл. Пяст, не принявший Октябрьскую революцию, порвал отношения с Блоком из-за поэмы «Двенадцать». Возможно, письмо Пяста было неосознанной реакцией на происшедшую накануне случайную встречу Пяста с Блоком (ср. запись Блока от 29 июня 1918 г.: «Встреча с Пястом, который «не подал руки» — ЗК, 414). Остро нуждающийся, голодающий (см.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке, с. 477), Пяст возвращает долг — это один из знаков полного разрыва дружеских отношений с Блоком (ср. стиль письма).

² Возможно, во время встречи с Блоком и поездки в Екатерингоф 8 июля 1916 г. (ср. ЗК, 313).

48. ПЯСТ — БЛОКУ

〈Петроград, 10 июля 1919 г.〉

«Покорнейше просил бы Александра Александровича выдать подателю сего хранящийся у него экземпляр «Рукописи Хлябина»¹. Доктор, заведующий лазаретом, в котором я нахожусь, интересуется этим. Если можно, было бы желательно получить и тот (2-й) сборник «Сирин», где напечатана «Поэма в нонах»² — на несколько дней³.

В. П я с т

10.VII.1919

¹ См. п. 44, а также прим. 22 к этому письму.

² П я с т. Поэма в нонах. — Альм. «Сирин», сб. 2. СПб., 1913.

³ Ср. записи Блока от 27 июля 1919 г. («Без меня приходили с письмом Пяста, который просит у меня свою рукопись и II сборник «Сирин» для доктора того лазарета, где он находится» — ЗК, 468) и от 29 августа («Пяст бедный занес то, что я ему давал, — рукопись и книжку» — ЗК, 473).